

Евгения
Сафонова



Гриджийский
Гамбит
Интегрировать свет

Охотники за мирами

Евгения Сафонова

**Риджийский гамбит.
Интегрировать свет**

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сафонова Е. С.

Риджийский гамбит. Интегрировать свет / Е. С. Сафонова —
«Эксмо», 2023 — (Охотники за мирами)

ISBN 978-5-04-192279-5

Шахматная партия между Тёмными и Светлыми продолжается. Семена зла, посеянные таинственным кукловодом много лет назад, проросли в настоящем. Ещё немного, и мир людей, дроу и эльфов будет сметён войной. Уже не рабыня, но признанный ценный игрок, Снежка готова помериться силами с неведомым противником. Она лишена магии, но волшебной силой обладают её соратники. Только вот теперь Снежке приходится играть против человека, с которым они были близки, а отношения с придворным колдуном тёмных становятся всё сложнее... Сможет ли правильно разыгранная партия изменить судьбу? Пришла пора проверить! Харизматичные Тёмные, сомнительной морали и доброты Светлые, мир на грани большой войны и шахматный гений, нетипичная попаданка, которая готова сделать всё, чтобы эту войну остановить. Позади уже многие свершения, но впереди решающая партия, каждый ход в которой может стать роковым. Здесь нет места чувствам – только логика и холодный расчёт. Завершающая книга дилогии. На чьей стороне сыграете вы? Евгения Сафонова – редактор, музыкант и писатель. Она автор циклов «Сага о Форбиденах» и «Темные игры Лиара», дилогии «Некроманс». Ее книги уже успели полюбить читателей своим языком, яркими образами и неожиданными поворотами сюжета, которые держат в напряжении до последней страницы.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-192279-5

© Сафонова Е. С., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1	11
Глава 2	36
Глава 3	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Евгения Сергеевна Сафонова

Риджийский гамбит. Интегрировать свет

© Сафонова Е.С., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Спасибо всем, кто полюбил эту диалогию и ждал этого переиздания.

Его не было бы без вас.

*По-прежнему посвящается славному дому Альянс,
а также благородному Джонатану из рода Берг
и его леди Келли из рода Онг.*

*Still dedicated to the glorious House Alliance
as well as the noble Jonathan of House Berg
and his lady Kelly of House Ong.*

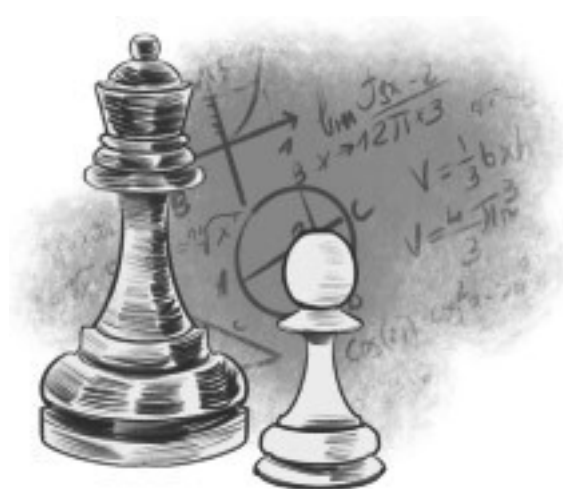
Long Live [A]lliance!

ИНТЕГРИРОВАТЬ – объединить какие-либо части в единое целое (книжн.); сплотить, объединить политические, экономические, государственные и общественные структуры в рамках региона, страны, мира (полит.); сохранив культурные индивидуальности, присущие разным группам, объединить их в одно общество на иных основаниях (этнолог.); найти интеграл (матем.)

Перефразируя словари

*...ни во что не веря и никому,
И, случайных встречных огнём слепя,
Догореть дотла и упасть во тьму
До того, как тьма упадёт в тебя...*

Светлана Ос



Иногда почти невозможно заметить, как твоё запястье обвивает нить кукловода. Распознать момент, когда твоя жизнь перестаёт принадлежать тебе, и решения, которые ты считаешь своими, оказываются давно придуманными за тебя.

Чаще всего в роли кукловодов выступают боги. Если смотреть на то, что творится вокруг, – боги очень любят поиграть. Разыгрывать кровавые представления, мучая своих марионеток. Трагедии в конечном счёте наблюдать куда интереснее, чем светлые истории со счастливым концом – без драм, без конфликтов. Боги всемогущи и, будь на то их воля, не допустили бы, чтобы в мире появилось зло. Чтобы в нём лилась кровь. Чтобы в нём случались убийства, эпидемии, катастрофы... войны.

И виноваты ли тогда те, кто в этих представлениях выступает на стороне зла? Если таким образом они развлекают богов? Ведь в хорошей трагедии без злодея никак не обойтись.

Вот о чём думал тэлья Фрайндин из рода Бьортреас, младший брат Повелителя эльфов, когда устал от долгого ожидания и присел на камень, покрытый бархатом зелёного мха.

Лучи ясного дня, просачиваясь сквозь кружево золотой кроны, заливали цветочные поляны солнечной карамелью. Дворцовый сад эльфов окончательно пробудился ото сна, и птички трели вплетались в журчание фонтанов. Синие, как зимняя полночь, глаза эльфа задумчиво скользили по яркой зелени кустов и деревьев, окружавших тенистую мраморную дорожку, но мысли его были далеко.

Посланцы тёмных. Как давно они с братом не видели Детей Луны... Наследница Тэйранта приходила только сегодня утром, а кажется, будто уже месяц миновал.

Взгляд Фрайна застыл на самом обычном древесном листе, ничем не отличающемся от прочих, – но видел он вовсе не то, на что смотрел.

...память. Забавная штука. И со временем начинает выкидывать странные вещи. То, что было очень давно, не оставляет в покое, будто случилось вчера; зато многое из того, что произошло совсем недавно, отступает на второй план. Все века твоей долгой жизни... нет, они не давили непосильным грузом, как почему-то считали люди. После первой сотни лет, откровенно говоря, жить становится всё легче и легче. В какой-то момент ты просто перестаёшь замечать, как с молниеносной быстротой мелькают дни, сменяя друг друга, – и вот для тебя уже не имеет значения, пять лет прошло или пятьдесят. Вещи, казавшиеся такими важными в юности, с годами совершенно перестают волновать, а отмеренную тебе роль играешь, уже не замечая. Все они здесь, при дворе, играют свои роли, и ему досталась далеко не худшая. Всем им – трём эльфийским принцам, сынам рода Бьортреас – пришлось нелегко. Каждому по-своему.

Фрайн подумал о братьях. Сперва о старшем, затем – о среднем, которого защитила от гнева Хьовфина вечная тьма под горами дреу.

Война неизбежна. Очередное кровавое представление на потеху богам, которое, должно быть, сорвёт у них бурю рукоплесканий. Как бы ни старался Эсфор, что бы ни пытался сделать, войну не предотвратить. Уже нет.

Но...

– Прости, что заставила ждать.

Мелодичный голосок вплёлся в переливы птичьего пения, и эльф перевёл взгляд на девушку, стоявшую рядом с камнем.

Длинные кудри струились по её спине плащом цвета осени и огня. Глаза сияли летней зеленью, яркой и тёплой, как листва деревьев в эльфийском саду. Она сменила платье – лучший эфнийский шёлк, тонкий и прочный: казалось, девушка облачена в наряд из искристой воды, непрозрачной и зеленоватой.

– Не беспокойся. Я понимаю, что тебе сейчас нелегко. – Эльф поднялся с камня. – Терять друзей всегда нелегко.

– Надеюсь, всё-таки ещё не потеряла, – пробормотала девушка. На риджийском она говорила безупречно. – Снежке просто нужно... увидеть всё в правильном свете. Увидеть, как всё обстоит на самом деле. Что правда расходится с тем, как всё преподносит её окружение. Она умная, она поймёт.

– Ты так добра, Мэрис. Видишь хорошее даже там, куда другие откажутся смотреть. – Фрайн коснулся её руки, и тонкие эльфийские губы тронула улыбка. – Одна из вещей, что я в тебе люблю.

Та, которую в Риджии называли Мэрис, подняла глаза на своего спутника. Волосы эльфа – прямые, свободно опущенные до плеч, – казалось, мерцали лёгким золотым сиянием. Дневной свет, соскальзывая с королевского венца, скатывался по высокому чистому лбу и тонул в тёмной глубине глаз, выделявшихся на бледном молодом лице. В синих с серебром одеждах, расшитых лиственными узорами, Фрайн зачаровывал и очаровывал, – так чарует взор солнечный зимний день, когда каждая снежинка искрится крохотным бриллиантом.

– Знаешь... я столько читала о таких историях, как наша... Истории ведь не рождаются на ровном месте, я знаю. Но теперь, когда я на месте тех самых героинь... мне всё ещё не верится, что прекрасный принц может выбрать кого-то вроде меня. Особенно когда принц прекрасен, как ты, – она заговорила, пожалуй, слишком задумчиво. – Посмотри на себя: ты брат Повелителя эльфов, тебе три сотни лет, ты мудр, ты нечеловечески красив и...

– Мэрис, Мэрис. Я ведь не тёмный, чтобы принижать людей. – Покачав головой, Фрайн дотронулся тонкими пальцами до девичьей щеки. – Ты не такая, как все. Ты яркая. Ты особенная. Тебя слушаются демонические кони, твой Дар исключителен, тебе даны силы, способные изменить мир. И тебе известна история моего племянника и его возлюбленной. Почему ты отказываешься поверить, что достойна счастья, которое улыбнулось деве менее примечательной, чем ты?

– Я ведь не видела её, чтобы судить, насколько она примечательная, – прошептала девушка. Под взглядом эльфа зелёные глаза её затуманила замороженная поволока. – И мне всегда казалось, что героини подобных историй не такие уж особенные... на самом деле.

– Но ты другая. Не сомневайся, Мэрисуэль. Никогда.

Взяв её руки в свои, эльф поднёс их к губам. Запечатлев нежный поцелуй на костяшках спутницы, потянул её за собой вглубь сада.

– Не зови меня так, пожалуйста, – сказала девушка, когда они бок о бок направились прочь от дерева-дворца. – На «Мэрис» я согласна, но «Мэрисуэль»...

– Это одно из самых распространённых людских женских имён. Как ты могла заметить, оно замечательно складывается из твоего собственного имени и первых букв имени твоего рода. В переводе с гамалльского «Мэрисуэль» означает «особенная и загадочная». Отчего же это имя тебе не по нраву?

– Так... напоминает кое-что. В нашем мире не слишком лестное.

Навстречу им прошла одна из бывших фрейлин покойной Повелительницы – хрупкая эльфийка в зелёном с золотом платье. Длинная юбка и рукава, расшитые лилиями, шелестели по светлому мрамору следом за ней. Увидев Фрайна, она замерла и отступила в сторону, склонив голову; солнечные, слегка вьющиеся волосы скрыли юное лицо и глаза, смеющиеся небесной лазурью. Брат Повелителя эльфов кивнул ей в знак приветствия.

– Как твои уроки магии? – поинтересовался Фрайн, вновь повернувшись к своей избраннице. – Ты говорила, что у тебя лучше выходит управляться со своими силами.

– Да, так и есть! Силы клинка всё охотнее меня слушаются. А вчера мы работали над защитными чарами, и у меня с первой попытки получился Абсолютный Барьер! – оживилась та, удостоив эльфийку беглым взглядом. – Ещё я попросила Кроука показать мне разные заклятия и проклятия. Мы, правда, только начали, но вот когда я снова встречу с друо...

Они удалялись вглубь пёстрого безмятежного сада, и эльфийка в платье, расшитом золотыми лилиями, следила, как они уходят.

Когда девичий голосок стих, смешавшись с птичьими трелями и журчанием фонтанов, бывшая фрейлина продолжила путь к двустворчатым дверям, служившим входом во дворец.

Стражи учтиво поприветствовали её, и она улыбнулась им в ответ. Ступила в древесный дворец, сплетённый из сонма тонких золотых лоз; кивая встречным, начала восхождение по паутине дворцовых лестниц до своих покоев, расположенных почти под самой крышей-кроной.

Дорога заняла у неё немало времени. Человек после такого подъёма был бы изнурён, но не одна из Детей Солнца, быстрых и легконогих. Впрочем, войдя в комнату, обставленную простой деревянной мебелью, эльфийка всё же присела в кресло у окна, за которым шелестела листва.

Комната была небольшой, с высоким потолком, выдержанной в тех же солнечных тонах, что и весь дворец. Какое-то время её владелица смотрела на осколки ясного неба, видневшиеся в просветах золотой кроны и напоминавшие о витражах. Затем, не вставая, взяла с туалетного столика маленькую костяную шкатулку и положила на колени.

Когда она откинула резную крышку, украшения отразили свет тысячью драгоценных граней, разбив его на разноцветные переливы.

Эльфийка перебирала свои сокровища, пока не нашла то, что искала: тяжёлый серебряный перстень с малахитом. Камень был крупный, круглой огранки, с бирюзовыми разводами. Красивый. Хозяйка комнаты долго рассматривала кольцо, положив на ладонь; потом надела на палец, коснулась камня другой рукой, надавила – и тот повернулся.

На обратной стороне его была короткая игла.

Эльфийка дотронулась до неё. Легко, почти нежно. Без опаски. Теперь-то на ней не осталось ни капли яда: об этом она позаботилась. От перстня тоже следовало бы избавиться, но ей так нравилось иногда смотреть на него... вспоминая застывший взгляд зарвавшейся смертной девки, посмевавшей отобрать у неё Хьовфина.

...простительная слабость. Что значит одна-единственная улика в идеальном преступлении, которое никто не собирается расследовать? Всё и так было ясно, и все в итоге получили то, что хотели. Она – освободившееся место рядом с возлюбленным Повелителем. Её народ – ту войну, на которую им давно следовало решиться. Она сделала благое дело, и ради этого стоило пожертвовать одной ничтожной человечкой, которая всё равно умерла бы каких-то пятьдесят-шестьдесят лет спустя. Правда, за восемнадцать лет Хьовфин так и не решился избрать новую Повелительницу, но теперь, когда оба его сына наверняка уже мертвы... Их гибель должна подтолкнуть события в нужном направлении.

Их лица были так похожи на то, другое, которое она ненавидела...

Фрейлина покойной Повелительницы эльфов вновь повернула камень, скрыв иглу, когда-то нёсшую смерть. Ставив перстень с пальца, сжала в кулаке маленькую вещь, уже почти развязавшую большую войну.

...свет одолеет тьму. А Хьовфин из рода Бьортреас будет принадлежать ей. Рано или поздно. Торопить события она не собиралась – не теперь.

Она ждала этого очень, очень долго.

И ещё подождёт – столько, сколько потребуется.



Глава 1

Шах Кристаэль¹



Всё получилось, пожалуй, даже слишком просто. И началось с того, что милая светловолосая девушка, рыдая от ужаса, забарабанила кулачками в дверь: самую обычную деревянную дверь самого обычного беленого домика, что приткнулся в одном из переулков Тьядри.

– Откройте! – громко всхлипнув, тоненько взмолилась девушка. – Откройте, пожалуйста, кто-нибудь! Где я? Как я тут оказалась?

Внимать её отчаянным призывам было некому. Местное время давно перевалило за час, и на Земле это равнялось бы трём ночи. Маленький городок, похожий на ожившую иллюстрацию из книги сказок, спал, а улицы его пустовали. Особенно здесь, на окраине, в тёмном переулке, далёком от таверн, борделей и других мест для ночных развлечений.

Обитатели этого дома, однако, не спали – свет пробивался даже сквозь плотные портьеры, которыми занавесили окна. А за окном, ближайшим к двери, портьеры и вовсе странно подрагивали: будто кто-то, стоя за ними, сквозь незаметную щёлочку вглядывался в незваную гостью, плакавшую на крыльце.

Однако за дверью молчали.

– Пожалуйста. – девушка медленно сползла на колени, скользя ладонями по тёмному дереву, царапая его ногтями. – это всё сон, страшный сон, это ненастоящий город, такого не бывает, я... я домой хочу-у...

Когда девушка, согнувшись пополам, закрыла лицо руками, дверь всё же приоткрылась.

– Что стряслось, девочка? – спросил мужчина, застывший за порогом.

Он был рослым, подтянутым, черноволосым. В простых тёмных штанах и рубашке – тоже тёмной. Голос его звучал ласково, но взгляд сверху вниз, которым он изучал незваную гостью, колот холодом.

Девушка с надеждой вскинула голову. Свет влажными отблесками заплясал в её растерянных голубых глазах.

– Я... где я? Что произошло? Вы можете мне? – Она молитвенно сложила ладони. – Я просто возвращалась домой, а потом вдруг оказалась тут, но... это не мой дом, не мой город,

¹ Отсылка к знаменитой шахматной задаче «Мат Диларам». Диларам – жена арабского визиря, который однажды едва не проиграл её в шахматы, но Диларам помогла мужу выпутаться из безвыходного положения и победить в той партии.

таких городов не бывает, они же есть только в книжках! Вы знаете, что со мной случилось? Как мне вернуться обратно?

Взгляд мужчины скользнул по её нежному сердцевидному личику, обрамлённому каскадом светлых локонов. Потом ниже: по шёлковому шарфу на тонкой шее, чёрной футболке с надписью на незнакомом языке, туго обтягивавшей грудь, и джинсам, которые пачкались о гранитное крыльцо.

Оглянувшись через плечо, он вполголоса бросил «да, она из другого мира». Явно обращаясь к другим обитателям дома, которые предпочли следить за происходящим издали.

Ответом ему послужил приглушённый смешок – и фраза «пригласи её».

– Ты в Риджии. В королевстве людей. – Мужчина распахнул дверь шире. – Ты попала в другой мир.

– В другой мир?! Но... этого не может...

– Нет, это *может* быть. Ты не первая в это вляпалась. Но на пороге такие разговоры не ведут. – Хозяин дома протянул девушке руку. – Мы с друзьями будем рады помочь. Останься у нас до утра, выспись и отдохни. А утром, значит, расскажем тебе всё, что захочешь узнать.

– Правда? – облегчённо выдохнув, та радостно приняла ладонь гостеприимного незнакомца. – Спасибо!

Мужчина саркастично улыбнулся.

– Не стоит. Ты можешь войти.

Дверной порог полыхнул мгновенным, почти незаметным серебристым сиянием, и девушка насторожённо замерла:

– Что это было?

– А, не обращай внимания. Охранная магия.

– Магия? Здесь существует магия?

– Здесь много чего существует. Так ты идёшь или нет?

Смиренно кивнув, девушка переступила порог.

Дверь закрылась.

В щель между этой самой дверью и косяком вдруг прорезался ослепительный яркий розовый свет, послышался отзвук короткого, тут же оборвавшегося вопля – и свет померк.

Дверь открылась.

– Чисто, – выкрикнула Криста, сжимая в руках цветочный лук, глядя на крышу соседнего дома: прямо туда, где скрывалась наша троица. – Быстрее, пожалуйста!

...как я и думала, представление увенчалось успехом.

Я ощутила движение совсем рядом с моим лицом: Лод махнул рукой, снимая чары невидимости, и взял меня за руку ещё прежде, чем его очертания проявились из ясного ночного воздуха.

Дэнимон прыгнул первым – легко и непринуждённо, приземлившись на обе ноги, мигом выпрямившись, – и тут же рванул к невесте. Лод шагнул вниз следом, увлекая меня за собой. Спустя мгновения мягкого неторопливого полёта мы коснулись ногами брусчатки; Криста, стоявшая за порогом чужого дома, тем временем уже протягивала руку эльфийскому принцу.

– Ты можешь войти, – молвила она на риджийском, когда их пальцы соприкоснулись.

Дверной косяк вновь полыхнул серебристой вспышкой, защитные чары приняли нового гостя – и Дэнимон шагнул внутрь, чтобы одарить невесту торопливым поцелуем.

– Ты вроде говорила, что в институт не поступила? – поинтересовалась я у бывшей сокамерницы, следом за Лодом взбегая на гранитное крыльцо. – Ты явно выбрала не тот профиль. Театралки в твоём лице точно многое потеряли.

Криста фыркнула, скрывая смущение. Моя одежда бывшей сокамернице была не совсем по размеру: футболка едва прикрывала живот, пуговица на джинсах грозилась отскочить в любой момент. Серебряный ошейник надёжно спрятался под шарфом.

Лод протянул руку, ожидая приглашения.

– Ты можешь войти, – повторила Криста, сжав ладонь колдуна в своей. Лук в её другой руке светился мягким зеленоватым сиянием: длинная изогнутая древесная ветвь, живая, с нежной корой цвета корицы, на обоих концах пушившаяся листьями. Тетивой служил тонкий луч зеленоватого света, древко обвивала розовая лоза, усыпанная мелкими цветами.

Убийственная красота.

Я приняла приглашение последней, перешагнув порог, когда Лод уже защёлкивал серебряные кольца на шеях обитателей дома. Трое наёмников лежали ничком, сладко похрапывая, щедро осыпанные розовыми лепестками, мерцавшими в полутьме широкого коридора. Лук Кристи не убивал, а усыплял; убить тоже мог, как сказал Лод, при должном желании и концентрации, – но Криста до этого пока не доросла. И я сомневалась, что когда-нибудь дорастёт.

Наверное, оно и к лучшему. В мире должны жить не только тёмные драконы, но и цветочные феи.

Я долго вглядывалась в лицо красномордого усатого толстяка, мучительно пытаюсь понять, откуда я его знаю. Потом с удивлением осознала: это его мы с Лодом встретили в дверях гостевого дома «Чёрная кошка». В день, когда пленили Навинию.

Значит, клещи вокруг принцессы и её спутников смыкались уже тогда... Закономерно.

Дэнимон стремительно прошёл вглубь дома, обнажив меч, держа его в опущенной руке. Искал того, за кем мы сюда пришли. Криста побежала следом, но я подозревала, что их поиски не увенчаются успехом – вряд ли всё могло быть так просто.

– Вот так. – Замкнув последний ошейник, Лод посмотрел на меня. Улыбка в его глазах послужила мне даже большей наградой, чем последующие слова. – Спасибо за план.

Всё же эффект неожиданности – великая вещь. Криста невероятно сильная магичка, а волшебный лук перезаряжался сам, позволяя стрелять почти с быстротой пистолета... но окажись наёмники готовы к нападению, схватка не была бы настолько лёгкой.

– Не за что. – Я посмотрела на лица похитителей принца Фаника, безмятежные во сне. – Теперь давай выясним, где принц.

Память на миг вернула меня в сегодняшнее утро, казавшееся таким далёким, будто переговоры со светлыми состоялись минимум месяц назад.

...крепко сжав руку Лода, я поднялась на ноги. Оглядела гостиную, всё ещё представлявшую собой немую сцену: Криста, Дэнимон и Навиния растерянно переглядываются, Алья с нехорошим прищуром созерцает стену напротив, Морти и Восхт смотрят на нас с Лодом, точно ожидая руководства к действию.

– Принц, – мягко произнёс Лод, разорвав рукопожатие и повернувшись к столу, за которым сидели пленники, – я понимаю, что меньше всего на свете вы хотите сотрудничать с нами. Но сейчас помочь мне в ваших интересах.

Дэнимон вскинул голову:

– Помочь вам?..

– Ваш брат. Принц Фаникэйл. Я хочу найти его не меньше, чем вы.

– Фаник... Фаник! – Дэнимон вскочил, явно лишь сейчас осознав всё услышанное за время переговоров. – Что с ним? Где он?

– Мы знаем не больше вашего. Наши посланцы сказали правду, последний раз мы видели его в Тъядри. Как и принцесса. – Лод перевёл взгляд на Навинию. – Когда вы погнались за мной, вы оставили Фаникэйла в гостевом доме, велев ждать вашего возвращения, так?

Та только кивнула.

– Я надеялся, принц довольно быстро поймёт, что вы не вернётесь. Или и вовсе сразу найдёт возможность связаться с отцом, дабы позвать на помощь и заодно передать моё послание. Он ведь благоразумный юноша.

В паузе, последовавшей за этими словами, прозвучало немое «в отличие от вас». Похоже, Навиния расслышала это не хуже меня; во всяком случае, иной причины высокомерно вздёргивать нос у неё вроде не было.

– И куда он пропал? – продолжил Лод. – Наши шпионы не могли присматривать за ним постоянно, и с того дня они его не видели. Я предположил, что Фаник поспешил отправиться домой, скорее всего, прибеж к услугам колдуна, чтобы переместиться туда мгновенно. Однако он просто исчез. Эльфы искали его и не нашли, а ведь на обоих принцев наложены следящие чары, которые не рассеются даже с их смертью. Верно?

Дэнимон кивнул, и я вспомнила фразу, некогда брошенную Навинией – про некий «маячок» принца. Видимо, Повелитель Хьовфин позаботился о том, чтобы он мог разыскать сыновей всегда и везде; эдакий местный аналог чипирования. Но, как мне любезно сообщила Криста, горы дроу зачарованы – и наверняка пресекали сигналы «маячка» так же, как не давали Кристе ментально связаться с Дэнимоном. Когда маячок Фаника, как и его брата, оказался «вне зоны действия сети», со стороны эльфов вполне логично было предположить, что обоих принцев пленили тёмные.

...значит, Фаник не свалился больным на каком-нибудь постоялом дворе. И даже не попался разбойникам с большой дороги (если таковые ещё не совсем перевелись стараниями Навинии). Нет, принца похитили, и сделал это кто-то, в чьей власти скрыть его мощной магией. Такой же мощной, как та, что охраняла подгорное королевство Детей Луны.

И тогда...

– Мы обязаны разыскать вашего брата, – сказал Лод. – Как можно скорее.

– Вам-то это зачем? – презрительно бросила Навиния. – Вам ведь на руку, что одним светлым принцем стало меньше. Осталось только Дэна убить.

– Убить?.. – с интересом сощурился Лод.

– Ваша затея провалилась. Светлые отказались выполнять ваши требования. В таком случае, если не ошибаюсь, от заложников принято избавляться. – Навиния выпрямилась, царственная и холодная. – Казните нас сразу? Или воспользуетесь любезной подсказкой Хьовфина и пришлёте нашим подданным по кусочкам?

Она не боялась. Ни капли. В каждом жесте, в каждом слове сквозили высокомерие, презрение, но не страх; и в этот миг я ощутила к принцессе людей некое подобие уважения.

Мало кто не почувствует страха, озвучивая свой смертный приговор.

– Принцесса, если бы мы собирались вас убить, мы бы уже сделали это. Десять раз, – устало изрёк Алья. Навиния оглянулась на него, но Повелитель дроу смотрел на Лода. – Мальчишку надо найти. Кто бы ни был виновен в его пропаже, он обладает невероятной силой, раз смог спрятаться от светлых. И явно хотел подставить дроу. И тогда...

– ...он мог стоять за тем, что случилось восемнадцать лет назад.

Я выпалила это, не задумываясь, – и лишь закончив фразу, осознала, что мы с Лодом произнесли её вместе.

...да. Всё вставало на свои места. Восемнадцать лет назад загадочный некто отправил Повелительницу эльфов, помешав светлым и тёмным заключить мир. Теперь загадочный некто заставил исчезнуть принца, который нёс светлым весть о новых переговорах, – сведя успех этих самых переговоров к нулю.

Это не могло быть совпадением.

Мы с Лодом не ошиблись. Таинственный кукловод, пытающийся развязать новую войну, существует. Теперь он снова заявил о себе – и, надеюсь, это станет его ошибкой.

Я поймала взгляд Лода, в котором сиял тот же азарт, что захлёстывал меня. Моё отражение из зазеркалья, с которым мы даже думаем в унисон...

Потом я заметила, что на нас смотрит Морти, торопливо опустила глаза – и не отступила подальше от Лода лишь потому, что понимала: это будет выглядеть куда подозрительнее, чем простой обмен взглядами.

– Вы не сможете его найти, – произнёс Дэнимон тихо и безнадежно. – Если его маячок... и даже отец...

Он осёкся – слишком большого труда стоило выговорить последнее слово. Бедный, бедный принц... Кажется, не только мне в ближайшее время предстоит переосмыслить своё мировоззрение. Навиния и вовсе сидела, забыв сомкнуть губы; многие девушки с открытым ртом смотрелись бы глупо, но не Повелительница людей. Или стоит называть её «бывшей Повелительницей»?..

– О, принц. – Лод улыбнулся широкой белозубой улыбкой. – Есть некоторые преимущества в том, чтобы быть тёмным... и наследником Ильхта Миркрихэйра. – Протянув руку в сторону, колдун извлёк из воздуха до боли знакомый кинжал с костяной рукояткой. – Единственный брат? Проще было бы найти лишь вашего близнеца. Но мне потребуется немного вашей крови.

Дэнимон безропотно протянул руку:

– Если это поможет отыскать Фаника, берите, сколько нужно.

– Кровавая магия? – брезгливо осведомился Восхт, когда Лод надрезал принцу внутреннюю сторону ладони.

– Как я понимаю, у светлых она не в чести? – иронично откликнулся придворный колдун тёмных.

– Если бы кто-то из моих одноклассников по Форсивской школе попытался достать хоть один трактат по ней, он бы вылетел в тот же день, как учителя прознали об этом.

– Должно быть, это славно приучало учеников к скрытности и осторожности. – Повернув кинжал лезвием плашмя, Лод провёл им по ране, так, чтобы вся стальная поверхность окрасилась кровавым багрянцем. – Это могущественная магия.

– И опасная.

– Лишь для тех, кто не в силах с ней совладать. Не наследнику Ильхта бояться её. – Лод поднял кинжал на уровень глаз, и на сей раз он помянул своего предка без стыда или горечи. – А теперь попрошу тишины.

Я, как и все, следила за выверенными движениями его пальцев, выплетающих рунные кружева. Сощуриив ресницы, Лод всматривался в окровавленный металл, словно в зеркало, и я знала – он видит в стальной глади что-то, доступное ему одному.

За миг до того, как резко опустить руки, он произнёс:

– Фаникэйл в Тьядри.

– В Тьядри? – недоверчиво переспросила Навиния. – Всё ещё?

– Он жив? – порывисто подался вперёд Дэнимон.

– Жив. Ничего точнее сказать не могу. Но я знаю, где его держат. – Отложив кинжал на край стола, Лод посмотрел на Морти. – Меняемся кольцами.

– Сейчас? – Принцесса расширила глаза. – Ты что, собрался...

– ...в Тьядри, разведать обстановку. Если всё так, как я думаю, у нас каждый час на счету. – Стянув с пальца управляющее кольцо, колдун протянул его возлюбленной. – И я надеюсь, что вы с Альей меня подстрахуете.

Морти безмолвно сняла украшение со своей руки. Вложив кольцо в ладонь Лода, сопроводила коротким поцелуем последовавшие за этим слова:

– Будь осторожен.

– Я всегда осторожен. – Колдун оглядел четвёрку пленников. – Пока мы не решили, что делать дальше, советую вернуться в свои покои. Полагаю, вам есть что обсудить.

Дэнимон без лишних слов взял за руку Кристу, всё это время сидевшую тихой мышкой, и повёл к двери. Восхт заторопился следом. Последней совету последовала Навиния: неторопливо поднявшись, принцесса прошествовала к двери, смуглыми пальцами придерживая длинную юбку, но я подозревала, что за её невозмутимой маской прячется озадаченность.

Во всяком случае, я бы на месте Навинии точно недоумевала, почему до сих пор жива.

– Ты уверен, что справишься один? – спросил Алья, когда щелчок замка оповестил, что мы остались в гостиной вчетвером.

– Для разведки меня одного хватит. – Скинув мантию, Лод повесил её на спинку стула. – Чем больше отряд, тем больше вероятность, что его заметят. Тебе ли не знать.

Я следила, как Лод взмахом руки заставляет исчезнуть тёмное знамя – оно так и лежало на полу там, где я его выронила.

Осознание того, что произошло, подкатило к щекам волной горечи и стыда.

– Простите меня, – едва слышно произнесла я.

Трое тёмных посмотрели на меня долгими недоумёнными взглядами.

– Если бы Мари не увидела меня... если бы не попыталась меня спасти... – Я опустила глаза, уставившись на ковер: от моей крови, заливавшей его вчера, теперь не осталось и следа. – Если бы не я, может, вам бы ещё удалось договориться с эльфами. Но эта девушка... которая была с братом Хьовфина, которая напала на нас – она моя... знакомая, и мы...

– ...она упала в реку вместе с тобой, и помимо собственных сил ей достались те силы, что предназначались тебе. А теперь она решила, что гнусные тёмные задурили тебе голову и её долг – открыть подруге глаза на то, как она заблуждается, – закончил Лод, доставая из воздуха потрёпанную кожаную куртку и знакомый дорожный плащ. Одевшись, призвал в ладонь маленькие костяные ножны и, убрав кинжал, сунул его в задний карман штанов. – Знаю. И я рад, что головоломка наконец сошлась.

– Ты... знал?..

– Я же говорил, что у меня есть догадки, почему ты отличаешься от других людей из вашего мира. Я просматривал твои воспоминания о том, как ты попала в Риджию. – Лод покрутил на пальце кольцо: почти точная копия того, что украшало мою руку. – Я предполагал, что ты попала сюда не одна, и поручил иллюранди узнать что-нибудь о второй девушке. Но, видимо, Фрайндин слишком быстро её нашёл и слишком хорошо спрятал. Потому я не мог с уверенностью сказать, верна моя догадка или нет.

– Не вини себя. – Я вздрогнула, когда Морти легко и ободряюще коснулась моего плеча. – Ты тут ни при чём. Повелителя было не переубедить, ты сама видела это. Трудно договориться с тем, кто считает вас убийцами его жены и сына.

– А потому мальчишка нужен нам живым, – подвёл черту Алья. – И здоровым. По возможности.

– Сделаю всё, что в моих силах. – Склонив голову, Лод отвернулся. – Возвращайся в лабораторию, Снезжана. Еду тебе принесут.

Я проследила, как колдун в сопровождении двух дроу идёт к лестнице, ведущей вниз, и покорно направилась к той, что вела наверх.

Следующие часы прошли в бесцельных, сиюминутных занятиях. Я играла сама с собой в скаук, я пыталась изучать магические ловушки, но мысли непременно возвращались к одному и тому же. И в конце концов я просто устроилась в кресле Лода, поджав ноги под себя, глядя на Бульдога, невозмутимо дрыхнувшего под столом: в его-то маленьком мирке ничего не изменилось.

...Мари. Даже не знаю, что угнетало меня больше: то, что она так легко поверила басням светлых, то, что она явно частично утратила связь с реальностью – или то, что она порушила все наши планы из искренней заботы о моей персоне. А ведь я её подругой не считала – в отличие от неё, очевидно. Для меня разница между «другом» и «хорошим знако-

мым, с которым приятно проводить время» была весомой, и Мари всегда входила во вторую категорию.

С другой стороны, раз теперь в стане врага у нас есть почти-свой человек, это может сыграть нам на руку. Если нам с Мари удастся поговорить, и не как в этот раз, я наверняка смогу подтолкнуть её разум проделать тот же путь чудесных откровений, какой проделала я. Нужно лишь дождаться подходящей возможности – или организовать её.

Я утомлённо помассировала виски. Ну почему мне не повезло даже в этом? Почему у меня отобрали даже Дар, предназначавшийся мне по праву? Если бы я могла помочь тёмным не только советами, если бы стала могущественной колдуньей, если бы выговаривала риджийские слова без произношения «как у лошади»...

...если бы я стала такой, то, может быть, Лод...

Я стукнула кулаком по ручке кресла – от отвращения к собственным мыслям. И ещё раз. Сильно, до боли в отбитом мизинце.

Нет. Нет никакого «может-быть-Лод». Тебе никогда, ни за что, ни при каких обстоятельствах не соперничать с Морти. Заруби это на своём приплюснутом носу, заносчивая зараза: то, что у тебя нет никакого права даже думать об этом.

И хватит себя жалеть. Упиваться собственными страдашками – самое контрпродуктивное занятие из всех возможных.

Высчитав девятую степень шестёрки, я усмехнулась.

...не нужны мне чит-коды² в виде магических плюшек. До сего дня обходилась без них, обойдусь и дальше. Правда, аномальный Дар Мари может доставить нам серьёзные неприятности, но нужно лишь придумать способ, как её обезвредить.

В конце концов, у тёмных как раз водились занятные безделушки для нежных шей строптивых девочек-волишебниц.

Я посмотрела на стол, где на доске для скаука замерли чёрно-белые фигуры, ожидая продолжения заброшенной партии. Взяв в руки белую принцессу, повертела её в пальцах, вдвываясь в крохотное деревянное личико.

...судя по всему, моя теория, что попаданцев одаривают ещё и сверхъестественной удачей, всё же верна. Какова была вероятность того, что из всех обитателей Риджиши на Мари положит глаз брат Повелителя эльфов? Такая же, как у Кристи, – что от насильников её спасёт эльфийский принц. Такая же, как у меня, – что Алья и Лод пойдут мимо дворцового пруда именно в тот момент, когда там всплывёт моё тело. И что незадолго до моего прибытия Кресту понесёт в горы дробу.

Да, мне повезло меньше других. Весьма специфическим образом. Но всё же повезло. А значит, повода для страдашек у меня ещё меньше, чем кажется.

Повеселев, я подкинула фигурку на ладони.

...одного не пойму: как трёхсотлетний эльф мог влюбиться в двадцатилетнюю девчонку из другого мира? Дэнимона я ещё могу оправдать – он молод. И в излюбленных Мари с Кристой романтических и подростковых книжках, как я поняла, такое случалось сплошь и рядом: перед чарами главной героини был бессилён любой, и если автор наметил ей в пару прекрасного эльфа или мага, разменявшего не первую сотню лет, тот мгновенно проникался к ней вечной пламенной любовью. Порой всё предварялось стадией ледяных колкостей или обжигающей ненависти, но финал был заведомо известен. Хотя я всегда думала, что исключительно исследовательский – или астрономический – интерес выглядел бы куда правдоподобнее.

В книжках всё объяснялось тем, что авторы подобных розовых фантазий редко озадачивались такой ерундой, как правдоподобность. Но это – жизнь. И с чего тогда Фрайндину

² От англ. cheat code (cheat – «жульничество», «обман»): код, который может быть введён в программу, чтобы изменить ход её работы.

приглянулась Мари? Может, в действительности это просто я ни черта не смыслю в мужской психологии?..

– Интересный расклад.

Я повернула голову, посмотрев на Лода: он умудрился войти неслышно и теперь стоял за высокой спинкой кресла, опершись на неё ладонями, глядя на доску.

– Я вижу, у светлых преимущество, – заметил колдун.

– Как и в жизни. – Я съжала деревянную фигурку в пальцах. – Что удалось разузнать?

– Принца держат в обычном жилом доме. Правда, защита на нём необычная. Честные люди на свои жилища такую не накладывают. – Лод заправил за ухо длинную русую прядь, выбившуюся из узла, в который он завязывал волосы. – Она не самая сильная, но довольно эффективная. В дом может войти лишь тот, кого пригласил один из находящихся внутри.

– Что-то вроде тех чар, которые ты наложил на дворец?

– Не совсем. Чтобы преодолеть мои, достаточно добиться устного приглашения. Здесь же требуется, чтобы тот, кто находится в доме, протянул тебе руку и уже после добавил необходимую словесную формулу. – Лод поднял задумчивый взгляд к потолку. – С другой стороны, моя защита хороша тем, что всё завязано на хозяев дома. Приглашение возымеет силу, лишь если его произнесу я или Алья. А там... тот, кто уже попал в дом, имеет полное право пригласить кого-то ещё.

– То есть один гость, попавший внутрь, может пригласить другого гостя?

– Да. Но только пока находится в доме.

– А кто похитители? Тебе удалось их увидеть?

– Одного. Они осторожны, окна занавесили, наружу не выходят. При мне прибежала девушка, видимо, от зеленика. Приносила им еду. Они даже её внутрь не пустили: деньги отдали, не выходя на крыльцо, пакет с едой забрали так же. Хотя, как мне показалось, пустить девушку они бы не отказались... если б знали, что её никто не будет искать. – Губы колдуна исказила кривая усмешка. – Я видел того, кто её встречал.

Лод махнул рукой, и в воздухе возникло нечто вроде голограммы – полупрозрачное мужское лицо, смуглое и весёлое, с тонкими чёрными усиками и паскудной улыбкой. Красивое, пожалуй.

– Он известен в народе как Весельчак Тэм, – сказал Лод. – Когда-то был правой рукой разбойника по кличке Кровавый Роб. Известный убийца, садист и насильник, предпочитает светловолосых девушек-полукровок.

Лицо Весельчака Тэма резко утратило для меня какую-либо привлекательность.

– Откуда ты всё это знаешь?

– Показал его лицо Навинии. Подумал, вдруг принцесса его узнает – она же практиковала охоту на разбойников. Не ошибся. – Лод съжал кулак, и волшебная голограмма исчезла. – Навиния разбила шайку Кровавого Роба пару лет назад. Сам Роб отправился на виселицу, но Весельчаку удалось бежать и залечь на дно. Видимо, тогда он и решил не возвращаться на большую дорогу, а податься в наёмники.

– Должно быть, в очень крутые наёмники. Кому попало похитить принца не поручат.

– С такой-то славой, думаю, у него не было проблем с тем, чтобы построить успешную карьеру в определённой области. Он отпустил волосы и отрастил усы, обычно его не узнают. Но Навиния его запомнила хорошо. – Лод потёр подбородок; его щетина грозила через недельку-другую перерасти в полноценную бороду. – Я узнал, кто находится в доме. Есть особое заклятие, позволяет понять, сколько в здании живых существ и кто они. Некоторые защитные чары блокируют его, но не эти. Помимо папеев я обнаружил внутри двух обычных людей, одного мага и одного эльфа.

– С эльфом всё понятно. А остальные, значит, пособники Весельчака?

– Да. Подозреваю, что они ждут... сигнала. Который вот-вот получат.

– И который будет означать, что пора убить принца, а потом бросить тело так, чтобы все подумали на дроу.

– Что должно выглядеть мстью за несговорчивость Хьовфина. Поэтому Фаник до сих пор жив: его хотели убить уже после неудавшихся переговоров.

– Но зачем бы нам врать, что Фаник не у нас, и тут же демонстративно подбрасывать светлым его труп? – Я раздражённо провела пальцем по переносице, поправляя очки. – Неужели эльфы не подумают, что это глупо?

– Нет. Так же, как они не подумали, что глупо убивать Повелительницу эльфов на пиру в честь заключения мира, – голос Лода горчил иронией. – Мы тёмные, Снезжана. Лживые подлые твари. Нашим словам не поверят ни за что и никогда. Зато трупу светлого принца, на котором напишут, что это сделали мы, – ещё как.

Он смотрел на меня внимательно и неотрывно, и я понимала: вернувшись из Тьядри, он пришёл ко мне не просто так. Ему снова нужна моя помощь. Ведь у нас осталось всего несколько часов, чтобы попасть в дом, в который попасть очень трудно.

Я задумалась, вспоминая всё, что недавно услышала. Убийца, садист и насильник... любит девушек-полукровок...

...светловолосых девушек, похожих на эльфов...

– Ты ведь уже думал, что Весельчака можно поймать на живца?

– Да. Я думал о Кристе, – сказал Лод, в который раз подтвердив, как схоже мы мыслим. – С её силами справиться с этой троицей не составит труда. Когда дроу поймали её в горах, она подстрелила половину отряда. Она достаточно бесстрашна, чтобы пойти на риск и не сплеховать, и она сделает то, что мы скажем. Добровольно, учитывая, чья жизнь стоит на кону. И ты бы видела, как Весельчак смотрел на девушку, которая принесла им еду... Он скучает. Ему надоело сидеть в четырёх стенах без возможности развлечься. – Он опустил взгляд на свои пальцы, сжимавшие спинку кресла. – Но Весельчак слишком осторожен, чтобы пустить её в дом.

– Ты сам сказал: он пустил бы ту девушку, если б знал, что её никто не будет искать, – мягко поправила я. – Что, если к нему в дверь вдруг постучится девочка, которую правда никто не будет искать? Девочка, у которой нет ни дома, ни семьи. До которой никому нет дела. Которой в Риджиш не хватит ни одна живая душа. Милая, наивная, потерянная... и как раз в его вкусе. Разве Весельчак Тэм не воспримет её как подарок судьбы?

Лод улыбнулся ещё прежде, чем я договорила.

– Да, – произнёс он. – Думаю, воспримет.

– Вот и я так думаю. – Потянувшись от предвкушения славной игры, я поставила фигурку светлой принцессы обратно на доску. – Ты ведь не выбросил ту одежду, в которой я прибыла в Риджио?..

– Очнись, – негромко велел Лод, глядя на Весельчака; слово сопровождало лёгкое движение руки, на которой блеснуло управляющее кольцо.

Наёмник открыл глаза так резко, словно только этого и ждал. Ошалело посмотрел на Лода. Дёрнулся, пытаясь вскочить, но ошейник держал его надёжнее любых кандалов.

А потом он увидел напарников, которые похрапывали рядом, – и понял, что ему никто и ничто не поможет.

– Значит, эту сигинг ты подослал... Хитро. – Весельчак быстро взял себя в руки. Признав поражение, он улыбнулся Лоду нагло и гадко. – Чего надо?

– Мы пришли за принцем. Говори, где он.

– Экий ты быстрый, парень. Сразу к делу. Может, познакомимся для начала?

– Твоё имя мне известно. А моё, если хочешь знать, – колдун скрестил руки на груди, – Лодберг из рода Миркрихэйр.

Забавно было видеть, как глаза законченного головореза ширятся от ужаса, когда он осознал: перед ним наследник Ильхта Злобного.

– Так это ты, – выдохнул Весельчак хрипло.

– Да, это я. – Лод вскинул ладонь с кольцом к потолку. – А теперь *говори*. Правду.

– В гостиной. Первая дверь справа, – послушно откликнулся наёмник, и лишь паника в его лице выдала, что говорит он не по своей воле. – Под ковром люк, он ведёт в подпол. Малец там.

– Ваш брат за той дверью, – бросил Лод Дэнимону и Кристе: те как раз прибежали с дальнего конца коридора, окончив поиски, ожидаемо не увенчавшиеся успехом. – Люк под ковром. Действуйте.

Криста серьёзно кивнула, прежде чем разжать пальцы, заставляя волшебный лук исчезнуть. Дэнимон, отворачиваясь, одарил Весельчака ненавидящим взглядом.

– В ваших же интересах, мерзавцы, – процедил он, – чтобы Фаник оказался целым и невредимым, а не то...

– Я с ним ничего не делал! Я к нему и пальцем не притронулся! – заорал наёмник внезапно. – Это всё Рэйв! – Весельчак отчаянно мотнул головой в сторону: там лежал не знакомый мне толстяк, а белобрысый бугай с обвислыми, как у шарпея, щеками. – Вот он! Богами клянусь!

На миг в коридоре воцарилась тишина.

– Не делал с ним *чего?* – негромко и медленно поинтересовался Лод.

Дэнимон метнулся к нужной двери так быстро, что я не различила его движений. Криста рванула следом, я, после секундного колебания, – тоже.

Когда мы вбежали в просторную комнату, где весело трещало пламя в камине, принц уже расшвыривал стулья, окружавшие деревянный стол. На тряпичной скатерти стояли три глиняные кружки и мерцала металлическая масляная лампа; последнюю Дэнимон всучил Кристе, после чего пихнул стол так, что опрокинул его. Кружки раскололись с глухим звуком, забрызгав пол недопитым пивом, и в воздухе встал стойкий запах хмеля, – но грубый джутовый ковер теперь можно было беспрепятственно оттащить в сторону.

Медное кольцо на дощатом квадратном люке принц дёрнул так резко, что тот едва не сорвало с петель.

Первое, что я ощутила, когда взгляду открылась узкая деревянная лестница, уводившая в кромешную подпольную тьму, – запах. Сладкий, тяжёлый, удушливый. Волна тошноты моментально подкатила к горлу, заставив прикрыть нос рукой и дышать ртом; и всё же я немедленно последовала за Дэнимоном, когда тот отобрал у Кристи лампу и ломанулся вниз.

Подпольное помещение оказалось крохотным. В длину и ширину – тут бы и кровать не поместилась, в высоту – Дэнимон даже выпрямиться нормально не мог. Сначала я почему-то заметила деревянную миску на полу: пустую, стоявшую на чёрном пятне, которое отчётливо выделялось на сером полу. Миг спустя я сообразила, что пятно – высохшая лужа... чего-то. Наверное, лучше не знать, чего.

Я перевела взгляд туда, где на последней ступеньке неподвижно застыл Дэнимон, мешая мне увидеть, на что же он смотрит.

Последний шаг вниз принц сделал медленно, словно во сне. Опустившись на колени, отставил лампу в сторону – на пол, выпачканный в неведомой мерзости.

Получив возможность спуститься, я встала сбоку от старшего эльфийского принца, чтобы наконец увидеть младшего.

Фаникэйл лежал скрючившись, всё в той же вонючей чёрной луже: под ним она ещё не высохла. Голый, худой, неподвижный. Даже сейчас алебастровая кожа эльфа будто светилась в окружающем мраке, – те немногие её места, которые не раскрасили багрянец открытых ран,

синева гематом или бурые пятна ожогов. Один глаз заплыл, второй – закрыт. Корка, запекшаяся на разбитых губах. Лицо в грязи, ссадинах и засохшей крови.

От красивого мальчика, которого я видела неделю назад в гостевом доме «Чёрная кошка», осталась лишь тень. Ещё дышавшая: редко, тяжело, с нехорошими хрипами.

Боль и ужас захлестнули меня с головой – дрожью во вдруг ослабевших ногах, комом в желудке, сухостью в горле.

– Фаник...

Голос Дэнимона дрожал, когда он протянул руку к брату, но так и не решился коснуться.

– Он ведь жив? – тоненько спросила Криста из-за моей спины. – Его ведь можно...

Она ойкнула за секунду до того, как меня бесцеремонно отпихнули к стене.

Толкнув Дэнимона, Лод занял его место. Быстрыми, сдержанными движениями достал из внутреннего кармана куртки ещё один ошейник и, бережно повернув голову принца, застегнул украшение на его шею.

– Алья, призывай его к себе. Немедленно, – сухо вымолвил Лод, поднимаясь с колен. – Пусть Морти с Эсфором сделают всё, что могут, пока я не приду. – Спустя пару томительных секунд тело Фаника исчезло, и я очень надеялась, что в таком состоянии он переживёт перемещение. – Видимо, пленника велено было держать живым, но отнюдь не здоровым. Его ведь хотели выставить жертвой дроу, а чем заметнее были бы следы пыток...

Сорвавшись с места, Дэнимон побежал вверх по лестнице, прыгая через три ступеньки зараз. Лод не стал его останавливать, но следом всё же поторопился – и, когда мы вышли в коридор, принц уже упирал в горло Весельчака кончик своего клинка: длинного, изящно изогнутого, с рукоятью красного дерева и листовенной гравировкой на лезвии.

– Кто вас нанял? Кто?! – обезумевший принц почти рычал. – Отвечай, сигсонур!³

– Да не знаю я! – сейчас в лице Весельчака не было ровно ничего весёлого. – Думаешь, парень, с нами прям так напрямую и связываются?

...конечно, чтобы разговорить наёмника, хватило бы и ошейника. Но в этот миг Дэнимона я понимала прекрасно.

– Рассказывай всё, что знаешь, с самого начала, – велел Лод. – Когда вас наняли?

– Десять дней назад. Сказали, значит, следить за этой... принцесской и её дружками. Мы, значит, у них на хвосте повисли, как только они из Солэна выехали. – Весельчак с опаской смотрел на сверкающую кромку эльфийского клинка. – Я б к этой сигинг за всё золото Риджии не полез, ей ж меня убить, что подтереться! И в прошлый-то раз еле от неё ноги унёс. Но мне сказали, что к ней лезть и не придётся. Велели, значит, пока сидеть тихо и докладывать о каждом их чихе...

О значении многих слов мне приходилось догадываться по общему смыслу фразы: Весельчак явно употреблял местный сленг, а Лод как-то не удосужился завести в своём шкафу словарь с переводом бандитского диалекта на нормальный риджийский. Так что многие словечки при переводе я интуитивно заменяла более приличными, но добавление рассказу Весельчака литературной ценности не умаляло ценности основной.

Насколько я помню, Солэн – эльфийская столица. Значит, за Навинией и компанией стали следить, как только они отправились вдогонку за Дэнимоном. И раз наниматель так быстро оказался в курсе событий, он имеет непосредственное отношение к эльфийскому двору...

– Как отчитываться? – спросил Лод.

– Мы держим связь через табличку. – Наёмник скосил глаза на свой живот; правильно истолковав этот жест, Лод присел на корточки и вытащил из нагрудного кармана Весельчака

³ Наиболее близкий по смыслу цензурный перевод – «сын вредной самки собаки» (*риджс.*).

небольшой, с ладонь, грифельный прямоугольник. – Старшак пишет послание на своей, оно вылезает на нашей. И наоборот.

– Старшак – это главный? Тот, кто даёт вам задание?

– Не, старшак – это *самый* главный. Он с заказчиком напрямую общается. А нам задание через десятые руки дают. Мы старшака и в глаза не видели, только табличка и есть. Чтоб, значит, быстрее приказ дошёл. А то через посредников нас нанять – одно, а если обстоятельства меняются и шустро надо всё делать? Пока весточка через десять табличек пройдёт...

– Значит, вы через табличку держите связь со «старшаком», а тот передаёт вам приказы заказчика. – Лод сунул грифельный прямоугольник в карман куртки. – Вы следили за принцессой и её друзьями. Вы были в курсе, кто её сопровождает?

– Я что, рожи всех её мужиков знать обязан? Да в её щели больше народу побывало, чем в этом городишке живёт.

Рука Дэнимона дёрнулась:

– Придержи свой грязный язык.

По шее наёмника поползла кровавая капля, и Весельчак послушно заткнулся.

– Никогда не поверю, – сказал Лод, соединив ладони и сплетя пальцы вместе, – что вы не понимали, кого вам велели пленить.

– Ну, потом-то мы смекнули, что Фаник – это, наверно, принц эльфийский. Да только нам разницы особо не было: нам сразу столько деньжищ отвалили, что за эти деньги я б хоть ещё трёх принцев повязал, да в придачу сапоги заказчику вылизал. Мы после этого сами б не хуже принцев жили... А, так ты, верно, брат его? – Весельчак взглянул на Дэнимона с издевательским любопытством. – Интересный ты малый! Тёмные, значит, веками твой народ вырезали, мамашу твою убили, тебя с невестой схватили, а ты с ними милуешься?

– Не милуюсь, – ровно проговорил принц. – Но в данном случае наши цели совпадают.

Тут же вспомнилось, как несколько часов назад мы с Лодом пришли в комнату пленных.

...когда дверь открылась, четверо светлых сидели на кровати, но Дэнимон при нашем появлении встал.

– Ну что? – отрывисто произнёс он. – У вас есть план?

– Есть, однако потребуетя помощь. Ваша – и вашей невесты. – Лод склонил голову, глядя на Кристу. – То, что я попрошу сделать, опасно. И потребует от тебя недюжинной смелости, быстрой реакции и недурного лицедейства.

– Я согласна, – без колебаний откликнулась бывшая сокамерница.

– Я ведь даже не сказал, о чём собираюсь просить.

– Если дело касается жизни Фаника, я согласна на всё.

Ох, Криста, подумала я, глядя в чистые незабудковые глаза бывшей сокамерницы и понимая, что немножко ей завидую. Хотела бы и я иногда быть такой... неразумно хорошей.

– Вы в своём уме?! – Навиния вскочила, будто её ошпарили. – Вы собрались помогать им? Им?! Чтобы они заполучили в заложников обоих наследников эльфийского престола?

...этого я и ждала. Горделивого отказа действовать заодно с мерзкими гнусными тёмными. Или презрительного согласия плясать под нашу дудку – с ежеминутным напоминанием, что от этого мы не перестали быть мерзкими гнусными тёмными. Поэтому реакция принцессы людей для меня была куда более предсказуемой, чем ответ Кристи и её жениха.

Со стороны последних я не видела ни гордости, ни презрения. И даже если эти чувства лишь тщательно скрыли для пользы дела, это не могло меня не тронуть.

– Уже не наследников, Вини, – смешок Дэнимона прозвучал бесконечно горько. – Но если отцу плевать на наши жизни, то мне нет.

– Нас всё равно убьют, как ты не понимаешь? Мы живы лишь потому, что тёмные ещё на что-то надеются! Думают, если найдут Фаника и докажут, что он жив, ваш отец сменил гнев на милость! Стоит им понять, что Хьовфин и правда не отступит...

– Принц, я готов принести клятву Эйф, что, как только мы отыщем вашего брата, я отпущу и его, и вас, – произнёс Лод негромко. – Если на то будет ваша воля.

Навиния осеклась, сверля колдуна исполненным ненависти взглядом, и в комнате воцарилась немая сцена.

– Вы серьёзно?.. – Восхт отмер первым.

– Абсолютно. Наша цель – убедить Хьовфина, что мы не бессердечные порождения зла, каковыми он нас считает. Подобный жест доброй воли с нашей стороны докажет это как нельзя лучше. А ваш брат послужит живым свидетельством того, что не одни тёмные могут желать зла вашему семейству. – Лод протянул принцу руку. – Вы помогаете нам, мы отпускаем вас. Согласны?

Дэнимон изучал его пальцы так, словно не верил, что они настоящие.

– А Вини и Криста? – спросил принц, не поднимая глаз. – И Восхт?

– О, их мы, пожалуйста, придержим у себя. Мы всё же воюем, сами понимаете. Рычаги давления на светлых будут не лишними. Но за вашу невесту можете не волноваться: с ритуалом Фьелаг не шутят, и, как видите, с пленниками мы обращаемся вполне достойно... если они не нарываю́тся на неприятности.

Дэнимон, колеблясь, оглянулся. Обведя взглядом товарищей по несчастью, задержал этот взгляд на лице Кристы – та, едва заметно кивнув, шепнула ему что-то одними губами.

Когда эльфийский принц сжал ладонь колдуна дроу в своей, ответ его прозвучал приказом:

– Клянитесь.

Во второй раз я наблюдала, как Лод свободной рукой вычерчивает руны, вспыхивающие нежной сиренью. «Тьма», «Воздух», «Связь», «Слово»...

– Я, Лодберг из рода Миркрихэйр, клянусь, – размеренно и твёрдо проговорил он, – как только мы отыщем принца Фаникэйла из рода Бьортреас, ни я, ни иллюранди, ни дроу не будут насильно удерживать его ни словом, ни делом. И после этого, если принц Дэнимон из рода Бьортреас изъявит на то свою волю, я сниму с него ошейник и позволю ему с братом уйти на все четыре стороны. Клянусь.

Дэнимон не разорвал рукопожатие, даже когда погасло фиалковое сияние, просветившее ладони обоих, подтверждающее, что клятва принята к учёту. Он смотрел в спокойное лицо Лода, и я знала: принц ищет в клятве лазейки, неточности формулировки, которые позволят колдуну не сдержать слова.

Ищет – и не находит.

– Хорошо, – вымолвил Дэнимон, наконец опустив руку. – Я вам верю.

Навиния опустила на кровать безмолвно и беспомощно, будто произошедшее разом лишило её и дара речи, и сил.

– Я рад. – Скрыв усмешку, Лод вытащил из воздуха знакомые ножны с мечом, богато отделанные золотом. Протянул принцу клинок деревянной рукоятью вперёд. – Мы отобрали его у вас, когда пленили, но в Тьядри он может вам понадобиться... хоть я и надеюсь, что до этого не дойдёт.

Взяв меч, Дэнимон провёл ладонью по потрёпанной коже ножен – почти нежно. Взявшись за рукоять, обнажил клинок на палец и, завидев блеск стали, задвинул обратно.

Встреча со старым другом закончилась.

– А вот теперь, пожалуйста, я действительно вам верю. – Дэнимон посмотрел Лоду в глаза. Впервые – без презрения, без недоверия, без неприязни, как партнёр на партнёра. – Так что от нас требуется?..

– Мы здесь не для того, чтобы обсуждать наш неожиданный союз, – мягко произнёс Лод. – Когда вам поступил приказ захватить Фаника?

– Да сразу после того, как ты к принцесске приходил, – усмехнулся наёмник. – Мы прослушивали всё, что у них в комнате происходит. И ваши... переговоры услышали.

...а, недаром меня царапнула его фраза «так это ты». Она относилась не только к тому, что перед наёмником предстал наследник Ильхта.

Что ж, закономерно.

– Когда принцесска с дружкой за тобой в погоню ломанулись, они эльфа одного оставили, – продолжил Весельчак. – Ну, мы сразу всё доложили старшаку, ясно дело. Что услышали, то и доложили. И про принца похищенного, и про то, что дроу скоро мирную делегацию к эльфам зашлют... снова. А нам почти сразу ответ – пока мальчишка один, схватить. И Гарса тут же прислали... Это тот, кто нам задание дал. Он нам браслет передал, велел побрякушку надеть на мальчика, чтоб того не нашли. Мол, следящие чары на нём, а браслет их перебьёт.

– И перебил, – пробормотал Лод. – Итак, вы пленили принца и притащили к себе в дом. Какие ещё указания вам дали?

– Да это... сказали, чтоб мы опять сидели тихо. И теперь вообще никуда не вылезали, только мальчика стерегли. А то, мол, даже с браслетом искать его будут. Правду сказали, мы в окно раз или два отряды эльфов видели, рыскали в городе... А самого мальчишку велели пока живым держать, но, – Весельчак покосился на Дэнимона, – не жалеть. Мордовать, голодом морить. Чтоб, значит, выглядело так, будто пытали его.

– И вы с жаром взялись исполнять это поручение.

– Я? Я ж не зверь, просто так людей мучить не люблю! Мальцов, по крайней мере. – казалось, Весельчак оскорбился до глубины души. – Я ж говорю, Рэйв это, вон тот здоровяк! Честное слово, мне самому мальчонку жалко было, если б не приказ, я б Рэйва близко к нему не подпустил! Прирезал бы тихо, быстро, он бы и почувствовать ничего не успел...

– А ты был уверен, что в конечном счёте потребуется его прирезать?

– Нам так и сказали: ждите, мол, отмашки, тогда и добивайте. А пока пусть живёт. Но Рэйв тут пару дней назад перестарался, так что малец явно уже на последнем издыхании был. Я доложил, а мне и отвечают, что его со дня на день всё равно убивать. Только, значит, пока понежнее с ним, чтоб раньше таки не помер.

Лод задумчиво почесал себя за ухом.

– Если ещё чем помочь могу, вы спрашивайте. Сами ж понимаете, ничего личного, работа такая. – Весельчак улыбнулся даже несколько заискивающе. – И если память мне сотрёте, ничего. Оно понятно, вам не надо, чтоб я трепался, кто принца вытащил. А то, может, вы это... к себе меня возьмёте? Мы поладим, отвечаю! Я против тёмных ничего не имею, я всегда...

Я поняла, зачем Лод выплывает в воздухе рунную паутинку, куда раньше, чем сам Весельчак.

Впрочем, не уверена, что тот вообще что-либо понял.

Осёкшись, наёмник медленно завалился на пол – казалось, в воздухе ещё слышен отзвук его речи, оборвавшейся на полуслове.

– Нет. Не поладим. – Лод спокойно снял с мёртвого мужчины ошейник. – Но ты нам очень помог, так что заработал быструю смерть. Которой, откровенно говоря, не заслужил.

– Вы его убили?.. – прошептала Криста.

– Он был прав. Нам не надо, чтобы он... *трепался*.

– А вдруг он рассказал бы ещё что-нибудь полезное? – хмуро осведомилась я, несколько озадаченная тем, что снова не испытала ничего особенного, когда на моих глазах кого-то убили – вот уже второй раз за сутки.

Впрочем, на труп смотреть мне не хотелось.

– Всё, что нам может пригодиться, он уже рассказал. А главное, отдал. – Лод хлопнул себя по карману, куда он спрятал грифельную табличку. – Магия всегда оставляет следы. Теперь выйти на «старшака» особого труда не составит.

– Наёмников надо отдать Хьовфину! Живыми! – настаивала Криста. – Как доказательство, что это не дроу...

– А смысл? Они не знают, кто заказчик. Ни допросы, ни пытки ничего не дадут. И доказательств, что заказчик не дроу, в их памяти не найти, – неохотно пояснила я. Мне бы тоже хотелось, чтобы наше расследование завершилось на этой троице, но увы. – Повелителю эльфов надо отдавать того, кто их нанимал.

– Верно, – сказал Лод. – Пользы от них не будет, осталось свести к минимуму вред. Для нас... и кого-либо ещё.

Вторая рунная паутинка оборвала дыхание толстяка так же быстро, как прежде – Весельчака. Когда Лод вскинул руку в третий раз, нацелившись на белобрысого садиста, Дэнимон перехватил его ладонь:

– Нет.

– Вы не желаете смерти тому, кто желал её вашему брату? – вскинул брови Лод.

– Я хочу, чтобы прежде вы разбудили его. Ненадолго. Прошу.

Поглядев на его сжатые в нитку губы, после секундного размышления Лод повернулся к последнему живому наёмнику – и, легонько изогнув ладонь с кольцом, озвучил приказ.

Белобрысый тоже пришёл в себя быстро. Сперва уставился на нашу разномастную компанию, потом перевёл взгляд туда, где лежали тела его товарищей.

– Прежде, чем ты умрёшь, – сказал Дэнимон, держа меч в опущенной руке, – я хочу знать: почему ты делал с моим братом всё, что делал? За что?

Наёмник взревел что-то неразборчивое, дёрнулся, пытаясь освободиться, – но, повинувшись движению руки с управляющим кольцом, затих.

– У нас мало времени, – проговорил Лод устало. – Отвечай.

Белобрысый поднял красные, налитые кровью глаза и обратил взгляд на Дэнимона: злобный, тяжёлый, затравленный взгляд зверя, загнанного в угол.

– Потому что мне было скучно, – слышалось в комнате, когда губы наёмника разомкнулись, словно у механической куклы. – Потому что мне нравилось слушать его крики, – голос был хриплым, точно прокуренным; при каждом слове обвислые мужские щёки тряслись, как желе. – Потому что его мучения меня веселили. Потому что люблю причинять боль. Потому что наслаждаюсь этой болью и мальчиками вроде него. Вот почему.

Он замолчал, и пару томительных мгновений Дэнимон ещё смотрел на него.

Лезвие меча метнулось серебристой вспышкой – и голова наёмника покатила по полу, оставляя красную дорожку на светлых досках. Криста закричала; я отшатнулась и отвернулась, жадно глотая воздух, забывая тошноту.

Это тоже была быстрая, незаслуженно быстрая смерть. Но куда более кровавая.

– Отправляйте нас обратно. – Принц провернул меч в руке, стряхивая багряные капли; плечи Дэнимона вздымались в такт его тяжёлому дыханию. Одним движением вогнал клинок в ножны. – Скорее.

Голос его прозвучал глуше, чем свист стали о кожу.

Я вдруг поняла, что меня трясёт – мелко, почти незаметно. Под рёбрами, в районе живота, притаился мерзкий ледяной ком: тело реагировало на всё произошедшее быстрее, чем сознание и душа.

...слишком. Слишком много.

Слишком много событий для одного треклятого дня.

– Алья, ты слышал, – бросил в пространство Лод, уделив отрубленной голове у своих ног внимания не больше, чем половой тряпке.

Криста и Дэнимон исчезли моментально и бесследно: только что стояли рядом, а в следующий миг вместо них осталась пустота. А я безропотно позволила Лоду себя обнять – на нём не было кольца, которое вернуло бы его под горы, и обратно он вынужден был перемещаться, держась за кого-то. Уткнулась в его плечо, вдохнув запах кожи с примесью знакомых ноток полыни, снега и книг, и мне стало немного легче.

Я не сразу поняла, почему Лод не зовёт Алью, а вместо этого, не отстраняя меня, запускает руку в карман куртки. Поняла, лишь когда скосила глаза и увидела в его пальцах грифельный прямоугольник. На чёрной поверхности проявилось короткое послание, будто написанное мелом – чётким, некрупным, аккуратным почерком.

«Пора. Что делать с телом, скажу чуть позже».

Жуть холодом заныла в костях, когда я осознала: ещё бы чуть-чуть...

– Вовремя, – отстранённо заметил Лод, убирая табличку обратно в карман. – Алья, давай. ...и всё-таки – мы успели.

Прежде чем у меня заломило в висках, жуть уступила место облегчению.

Рывок. Пол, растворившийся в небытии. Карусель преломляющегося пространства.

Снова ощутив под ногами твёрдую поверхность, я отступила на шаг почти одновременно с тем, как Лод разжал руки.

Мы переместились в гостиную. Алья на нас даже не взглянул – он стоял у открытой двери в комнату пленных, прислонившись к косяку, и сосредоточенно наблюдал за происходящим внутри. Эсфориэль сидел на коленях у кровати, спиной ко мне, тихо напевая что-то; Морти – подле него, держа в руках знакомый ларец с лекарствами. Они заслоняли от моего взгляда пациента, которого лечили, но по лицам светлой четвёрки, столпившейся по другую сторону постели, я поняла: всё очень, очень плохо.

– Как он? – с порога спросил Лод, когда мы, не сговариваясь, поторопились внутрь.

– Лод, – Морти беспомощно вскинула голову, – мы сделали, что могли, но...

– Слишком много внутренних повреждений. Потеряно слишком много крови. – Прервав песню, Эсфориэль обернулся; я едва ли видела за жизнь кого-то, кто владел собой лучше его. – Если его можно исцелить, это подвластно лишь тебе.

Лод без лишних слов скинул плащ и куртку – прямо на пол, на ходу, по пути к кровати, где лежал Фаник.

– Я вызывалась помочь, – Навиния сжимала кулаки в холодном бешенстве, – но никто не соизволил снять с меня дурацкий ошейник!

– Слишком опасно, – прошептал Восхт. – Если сделать хоть немного хуже...

– Без ошейника с вас станется надеть глупостей, принцесса, и столь важное дело никому, кроме Лода, я доверить не могу, – безэмоционально откликнулся Алья. – Его навыки в исцелении мне известны, ваши – нет. Одна ошибка может стоить мальчишке жизни.

Привстав на цыпочки, я робко взглянула из-за плеча Лода на умирающего принца. По-прежнему обнажённого, но теперь – чистого: кровь и грязь исчезли вместе с порезами и ожогами. Там, где совсем недавно кровоточили жуткие раны, стараниями Морти виднелась нежная розовая кожа. А вот гематомы остались, и ещё заметнее стала нехорошая, синюшная бледность и то, как туго кожа мальчишки обтягивает кости. И то, что целых костей у него осталось не так уж много. И то, что дышит он в странном ритме: редкие неглубокие вдохи, которые в какой-то момент становятся чаще и глубже – и вдруг затихают вовсе, прежде чем цикл повторится вновь. И грудная клетка странно просела... Ему не только рёбра сломали, но и позвоночник?..

Взгляд зацепился за серебряный браслет на одной тонкой руке – дутую серебряную полоску с рунами. Скользнул ниже, к пальцам: распухшим, неестественно выгнутым, изломанным, без ногтей...

Дрожь ужаса и отвращения потрянула меня с головы до ног, вынудив отвернуться.

– Акке, ты нужен мне. Морти, Эсфор – мне понадобится ваша помощь. Остальные уходят. – Лод за моей спиной отдавал указания сухо и деловито, как хирург перед операцией. Я не видела появления иллюранди, но знала, что он пришёл. – Акке, принеси кристаллы, которые лежат в ящике моего стола. Все, что там есть.

Я не оглядывалась. Я смотрела только на Алью, привычно холодного, невозмутимого – по крайней мере, внешне.

Спокойствие Повелителя дроу неведомым образом успокаивало и меня.

– Он выживет, правда? – в голосе Дэнимона сквозило столько надежды, что мне стало больно.

– Я сделаю всё, что в моих силах, – ответил Лод негромко. – А теперь уходите.

Я вышла из комнаты первой, но позволила себе оглянуться, лишь привалившись спиной к книжному шкафу на другом конце гостиной. Четверо светлых вернулись к столу, за которым ещё утром наблюдали за переговорами; Навиния и Восхт сели, Дэнимон замер рядом, глядя перед собой невидящим взглядом. Прильнув к спине принца, Криста обняла его сзади, и трудно было понять, ищет ли она утешения – или хочет утешить сама.

Когда дверь в покои пленников закрылась, для полноты картины не хватило только красной лампочки «идёт операция».

Алья, заложив руки за спину, чеканил неторопливый мерный шаг от одной лестницы до другой. Тоже ждал результата, того или иного. Для Повелителя дроу выживание Фаника было так же важно, как и для светлой четвёрки, пусть и по совершенно иным причинам. Дверь в комнату пленных всё не открывалась, и время тянулось невероятно долго, и мы ждали, ждали...

Когда Дэнимон встал у дроу на пути, тот вежливо изогнул бровь. Пока эльфийский принц падал на колени, я думала, что это Алья отдал ему такой приказ, – и лишь заметив расширенные удивлением глаза дроу, с не меньшим удивлением поняла: Дэнимон сделал это сам.

– Я знаю, что подобное не искупить просто так. Я знаю, что я твой враг и моё слово для тебя ничто. Но пока слова – всё, что у меня есть. И я прошу у тебя прощения. – Светлый принц смотрел на тёмного короля, пока тот вопрошающе и недоумённо глядел на него в ответ. – За твою сестру. За то, что с ней сделали.

Из вопрошающего взгляд Альи сделался пристальным. Но меньше недоумения в нём не стало.

– Теперь я знаю, что ты чувствовал. Я не могу оправдать то, что ты делал из желания отомстить, но я... я понимаю тебя. – Дэнимон издал смешок, короткий и безумный. Даже коленопреклонённым он умудрялся выглядеть гордо: привычка, которая вошла ему в кровь и кости, давая знать о себе даже в такой момент – когда Дэнимон наплевал на всю свою гордость. – Сегодня я впервые убил человека. Беззащитного, безоружного. Я никогда не думал, что способен на такое, но если бы я мог – за то, что он сотворил с моим братом, я бы воскресил его и убил снова. И снова. И ещё тысячу раз. А когда я найду того, кто за этим стоял... – Он помолчал пару мгновений. – Я прошу прощения за то, что сделал мой отец. Этим ничего не изменишь, однако это всё, что пока я могу. Я не могу обещать, что отдам тебе того, кто отдал приказ, но я клянусь: когда я вернусь в своё королевство, я сделаю всё, чтобы найти исполнителей. Чтобы твоя сестра наконец была отомщена.

Дроу качнул головой – коротким, едва заметным движением.

– Это не приносит облегчения. То, что я делал с теми девочками. То, что я мечтал сделать с твоим отцом и вырожденками, исполнявшими его приказы. То, что я и сам не могу оправдать. – когда Алья заговорил, голос его шелестел колючим снегом, гонимым ветром по льду. – Это приносит удовлетворение. На время. А после тебя вновь наступают пустота и боль, и ещё большая боль – иногда... когда приходит осознание, чем ты стал. Но ты отмахиваешься от этого, забываешься, ищешь удовлетворения снова и снова... да только каждый раз в тебе умирает что-то от тебя. Мечь – это наркотик, которого лучше не пробовать.

Я думала, этим вечером меня уже ничего не удивит. Но когда дроу протянул руку эльфю, поняла, что ошибалась.

– Встань, принц. Ты не враг мне. Мой враг – твой отец... который отрёкся от тебя. Ты свою цену уже заплатил сполна. – Алья посмотрел на дверь, за которой сейчас Лод пытался вытащить с того света брата Дэнимона. – Твой долг передо мной уплачен.

Приняв руку Повелителя дроу, эльфийский принц поднялся с колен. Восхт и Криста, совершенно ошарашенные, смотрели на соединённые ладони венценосных особ; Навиния не сводила глаз с Алья, изучая его с каким-то кошачьим вниманием. И несмотря на всё, что мне пришлось сегодня пережить, несмотря на то, что ситуация совершенно не располагала к улыбке, я улыбнулась – ведь только что, на моих глазах треснул трёхсотлетний лёд.

...Лод, какой же ты умница. Это ты и планировал, верно? Если бы наши переговоры увенчались успехом – прекрасно. А когда не увенчались... для тебя – ожидаемо... мы всё равно остались в выигрыше. Ведь забывать о прошлом не нужно, но думать стоит о будущем, – а будущее светлых народов сейчас сидело в этой самой комнате.

Я хотела воспользоваться принцем, как разменной монетой, но ты, как всегда, смотрел на шаг вперёд. Ты сделал ставку не только на Дэнимона – на всех четверых. Чтобы они своими глазами увидели, против кого хотят воевать. Чтобы растеряли свой чёрно-белый идеализм, рассмотрев вещи в истинном свете. Чтобы абстрактный враг обрёл лицо, которое куда великодушнее, человечнее и привлекательнее, чем они себе представляли.

А порой – куда великодушнее, человечнее и привлекательнее, чем те, кому они привыкли доверять.

Щелчок замка прозвучал в тишине как выстрел.

Лод в гостиную скорее вывалился, чем вышел: кожа блее, чем батистовая рубашка, под глаза легли такие синяки, будто колдун не спал неделю. Пошатнувшись, он привалился спиной к стене, давая дорогу Морти и Эсфору, – и, наверное, в этот миг все присутствующие желали услышать вердикт ровно столь же, сколь и опасались.

– Он будет в порядке. Спит, – выдохнул Лод едва слышно. – Я подправил его воспоминания о последних событиях... он не вспомнит, что с ним делали. Надеюсь, завтра очнётся.

Мой облегчённый вздох потерялся за радостными восклицаниями светлых, ринувшихся в спальню дружной гурьбой.

Фаника заботливо закутали в одеяло, не укрыв лишь лицо, умиротворённое сном. Жуткие хрипы исчезли без следа, дыхание выровнялось, синюшная белизна кожи уступила место обычной бледности. Значит, Лод сделал ему переливание крови? А где же тогда оборудование и кто послужил донором? Видимо, Эсфор: то-то он тоже держится за стеночку...

Дэнимон постоял у кровати, глядя на спящего брата. Развернувшись на пятках, вернулся к нам, застывшим за порогом.

Я ожидала изъявлений признательности Лоду, но эльфийский принц меня удивил:

– Вы обещали снять с меня ошейник.

Лод слишком устал, чтобы удивляться подобной неблагодарности вместе со мной. Просто протянул руку и коснулся шеи принца дрожащими пальцами. Немедленно сдёрнув опостылевшее серебряное кольцо, Дэнимон уронил его на пол – то глухо звякнуло о ковёр, прежде чем немного прокатиться по полу и упасть у ног Алья.

– Прими мою благодарность, Лодберг из рода Миркрихэйр. Не униженную благодарность пленника, но благодарность того, кто волен сам распоряжаться своими словами и поступками, – молвил эльфийский принц. – И ныне я, Дэнимон из рода Бьортреас, освобождаю тебя, Лодберг из рода Миркрихэйр, от твоей клятвы.

Ладонь его просветила вспышка сиреневого сияния, бескрайним изумлением отразившаяся на лице Алья.

...а вот я этого ожидала. И не я одна.

– И ты отказался от нашего щедрого предложения, принц? – уточнил Повелитель дроу. – Не сбежал из моего королевства, прихватив брата, пока тебе давали шанс?

– Мой брат пока никуда бежать не сможет. Да и некуда нам бежать. – Дэнимон перевёл взгляд на Алью. – Я не могу вернуться к отцу. Не сейчас. Не сразу после того, что он сделал. И там, куда я должен вернуться... там, среди моего народа, таится в тени мой враг: тот, кто желал смерти моему брату, тот, кто убил мою мать. Я хочу вернуться, зная, кто он.

– Но здесь тебя тоже окружают враги, – улыбка Алии была ироничной до горечи. – Неужели ты не боишься оставаться среди безжалостных порождений зла?

– Нет. Потому что теперь я видел тьму и видел зло, и наконец понял: это не одно и то же. Жаль, что я осознал это так поздно.

Краем глаза я заметила, как смотрит на племянника Эсфориэль, – и подумала, что едва ли сиятельный Повелитель эльфов способен хоть на кого-то смотреть с такой гордостью и теплотой.

Хорошо, что его наследник пошёл не в отца. Не только в этом.

– Мы будем рады помочь вам отыскать истину, принц, – тихо выговорил Лод, кое-как оттолкнувшись от стены. – Но теперь, если позволите, я удалюсь. Для одного дня, мне кажется, нам всем хватит событий, и серьёзные разговоры, которые нам определённно предстоят, лучше оставить на завтра.

Склонив голову перед спасителем брата, Дэнимон на миг встретился взглядом с Эсфориэлем. Смутившись невесть чего, устремился обратно в комнату пленных, прикрыв за собой дверь. Жаль... увлечшись передним планом, я не особо обращала внимания на реакцию остальных светлых. А между тем мне было *крайне* интересно, как они восприняли всё это.

...должно быть, немое одобрение дяди-предателя напомнило принцу: решив играть заодно с тёмными, он стал таким же предателем. Пусть даже его предали первым. Умом Дэнимон пришёл к верным выводам, но вот сердце и душа пока приняли их не до конца.

Ладно, всему своё время – и это время не стоит торопить.

– Иди. Спасибо тебе за всё. – Алья благодарно хлопнул Лода по плечу. – Если позволишь, мою сестру я этой ночью придержу при себе. Понимаю, тебе хотелось бы отдохнуть в её обществе, но мне нужно с ней о многом поговорить.

Морти, которая уже шагнула следом за своим хальдсом, на этих словах замерла. Впрочем, мне на месте Алии тоже захотелось бы обсудить произошедшее с кем-то из самых близких. А поскольку у Лода сил явно хватит лишь на то, чтобы добраться до кровати, сохраняя более-менее вертикальное положение...

– Иди. Мне всё равно нужно распорядиться о постелях для наших гостей, – сказала Морти, когда возлюбленный вопросительно посмотрел на неё. – Спи крепко.

Коротко поцеловав принцессу на прощание, Лод побрёл к лестнице наверх, и я сдержала желание увязаться следом. Не сейчас. Позже. Чтобы всё выглядело так, будто я просто отправилась в постель – не больше и не меньше. Что я не бегаю за колдуном.

Что я не спешу занять место Морти.

– Если позволите, я тоже вас покину. – Эсфориэль, сдержанно поклонившись, направился в другую сторону; пошатывало их с Лодом одинаково. – Это был тяжёлый день, и я рад, что мы все его пережили. Быстрого вам дня и звёздной ночи.

Я смотрела, как он уходит. И не сдержала вопроса, который вертелся у меня на языке с самого утра:

– Тэлья Эсфориэль, вы ведь знали, чем закончатся переговоры? Потому и не стали за ними следить?

Брат Повелителя эльфов замер, не повернув головы. Отблески свечей золотом играли на его волосах, ниспадавших до лопаток светлым атласом.

– Знал, – наконец сказал он. – И не хотел видеть, как ещё один мой брат проигрывает своей одержимости.

Больше я ничего не сказала. И молчала всё время, пока Эсфориэль не скрылся за изгибом лестницы.

Я не нашлась что сказать. А ему едва ли хотелось слышать ответ.

– Иди к себе, девочка, – Алья произнёс это почти ласково. – Тебе сегодня тоже пришлось нелегко.

– И присмотри за Лодом вместо меня, ладно? – Морти поправила ларец с лекарствами, который она привычно перекинула через плечо. Оставалось лишь догадываться, сколько чудодейственных пузырьков сегодня ушло на Фаника. – Побудь с ним. Сейчас ему это нужно.

В прозрачных медовых глазах дроу я прочла одну лишь доброжелательность – и надеялась, что принцесса не заметит недоверия в моём ответном взгляде.

...она ведь слышала, как я звала Лода в бреду. Она знает, что я в него влюблена. Она знает, что он это знает. И теперь просит меня именно о том, чего делать мне отчаянно не хотелось.

Занять её место.

Что за игру она ведёт?..

– Хорошо, – сказала я покладисто вместо всего, что мне хотелось сказать, и, когда Морти взялась за ручку двери в комнату пленных, направилась к лестнице в лабораторию. Поднявшись достаточно высоко, чтобы дроу меня не видели, побежала вверх через две ступеньки.

Будто это могло помочь мне навсегда убежать от отвратительной мысли: с официальным разрешением возлюбленной Лода я могу занимать её место, не мучаясь совестью.

Постучавшись в спальню колдуна и услышав изнурённое «войдите», я чудом успела захлопнуть дверь в библиотеку перед носом Бульдога, норовившего проскочить со мной. Комнату освещала пара свечей; Лод лежал на кровати поверх одеяла, подложив руки под голову. Он лёг, не раздеваясь, только мокасины скинул, и от его измученного вида у меня сжалось сердце.

– А, это ты. – Сил на улыбку у него тоже не нашлось.

– Совсем тяжко пришлось? – Я присела на край постели.

– Как видишь. – Лод прикрыл глаза. – Лучше тебе не знать, что мне пришлось лечить. Если б не кристаллы с силами, что я взял у Кристы, я бы умер вместе с ним.

...наверное, правильнее было бы просто оставить его в покое. Дать уснуть. Но я не могла – и знала: желай он, чтобы я оставила его в покое, он бы прямо сказал мне об этом.

– Ты перекачал Фанику кровь, которую взял у Эсфориэля?

Лод кивнул – еле видным движением, не глядя на меня.

– Но я не заметила у Эсфора никаких ран. И никакого оборудования, с помощью которого ты мог это... – Я замолчала, осознав то, что должна была понять сразу. – А, ну да. Если магией можно перемещать объекты из одного места в другое, ей же можно переместить кровь из одной вены в другую. Или переместить в эту вену целебные зелья из склянки.

– Именно. Можно. Пусть и сложно.

– Как и всё, что ты сегодня проделал.

Он промолчал, и в памяти всплыл разговор перед давешним визитом к пленным.

«Думаешь, светленькие идеалисты согласятся с нами сотрудничать?» – спросила я, пока мы с Лодом спускались по лестнице. – Я бы на их месте вообще подумала, что всё это спектакль, а на самом деле похищение Фаника тоже организовали мы».

«К счастью, они не так умны, как ты, – пожал плечами тот. – Они согласятся, если у них будут гарантии. Я дам Дэнимону клятву Эйф, что сниму с него ошейник, как только мы найдём Фаника, и позволю им с братом уйти на все четыре стороны».

«И что за подвох будет крыться в формулировке?» – подозрительно сощурилась я.

«В формулировке – никакого».

«А в чём тогда?..»

«В том, что после фокуса, который выкинул его отец, Дэнимон вряд ли возжелает так скоро к нему возвратиться. В том, что Фаник в ближайшие дни едва ли способен будет куда-либо идти, потому что похитители наверняка обращаются с ним иначе, чем мы с его братом. В том, что, когда Дэнимон осознает правду, ему понадобится время на переоценку всего, что он знал и во что верил. Подозреваю, его резко качнёт в другую сторону... возможно, даже чрезмерно. – Лод провёл пальцем по губам, стирая усмешку. – И когда он поймёт, на что способны его прекрасные светлые, я думаю, он предпочтёт провести это время в обществе тёмных».

– В итоге всё получилось, как ты и предполагал, – сказала я. – С Дэнимоном. Ты доволен?

– Доволен – неправильное слово. Я просто знал, что так будет. Так что я...

– Удовлетворён?

– Да. Этим – да.

– А чем – нет?

– Тем, о чём сильно жалею. Даже сейчас. Что не взял ту троицу сюда, под горы. – Лод по-прежнему не открывал глаз. – Чтобы познакомить их с той болью, которую они любили причинять другим.

Перед глазами вновь всплыла картинка кровавого фонтанчика над шеей обезглавленного наёмника. Вздвигнув, я заставила себя сфокусироваться на том, что вижу здесь и сейчас, но где-то под рёбрами опять заворочался мерзкий склизкий ком.

Я уже жалела, что попросила Лода взять меня в Тьядри. После неудавшихся переговоров мне казалось невыносимым сидеть в четырёх стенах без дела, – но для одного дня мне пришлось увидеть и пережить слишком многое.

– И правильно, что не взял. – Я за дужку подтянула очки обратно на переносицу. – Было бы время, ты бы прямо там их уму-разуму поучил. Но времени у нас не было, а тащить такую пададь сюда, во дворец? Больно много чести.

– Да. Я тоже так подумал. – Лод повернул голову, отвернувшись от меня. – Однако мне очень хотелось проделать с ними всё то, что они творили с этим мальчиком. Мне и сейчас жаль, что не проделал.

...забавно. Он подарил наёмникам быструю смерть, потому что очень хотел другого. А это *другое* оказалось из области тех чувств, которые он не собирался поощрять: пусть Лод и примирился со своим внутренним драконом, но не давал ему править бал. И когда он понял, что действительно жаждет чужой крови, жаждет, как никогда в жизни, он проявил милосердие. Совершил один из тех поступков, который помогал ему осознать – его тень всё ещё знает своё место.

Я поняла, зачем Морти попросила меня побыть с ним. Нехорошо было оставлять Лода наедине с драконом, который требовал жертву и был недоволен, что та ему не досталась, – и теперь, раз ему не дали растерзать кого-то другого, терзал своего владельца. Но что бы на моём месте сказала принцесса? Что он не Ильхт, что ему не нравится пытать людей? Что он должен в очередной раз обуздать свою тёмную сторону?

...да, наверное, это было бы правильно. Но я – не Морти. И Лод действительно не Ильхт.

И при этом не тот, кем его хотела бы видеть принцесса.

– Ты подарил этой троице куда более лёгкую смерть, чем они заслуживали, – негромко произнесла я вместо всего, что было бы правильнее произнести. – Это было милосердием с твоей стороны. Я бы сама хотела, чтобы они испытали то же, на что обрекли Фаника, – в десятикратном размере. Но стоит приберечь это для того, кто их нанял.

А вот теперь Лод открыл глаза. Повернув голову в мою сторону, посмотрел на меня внимательным светлым взглядом, от которого мне сделалось неловко.

... что я делаю? Вот потому рядом с ним и должна быть Морти, не я. Её пугает живущий в нём дракон, и она может держать этого дракона в узде. Меня не пугает, – и я могу лишь поглаживать его, уговаривая потерпеть до следующей охоты.

– Как ты теперь будешь восстанавливаться? – я решила сменить тему. – Если ты потратил так много сил...

– Попрошу кого-нибудь поделиться своими. – Лод слегка усмехнулся. – В такие моменты даже немного жаль, что теперь у нас с пленными другие отношения...

– ... и нельзя просто снова позаимствовать силы у Кристи, – закончила я. – Может, попросить у неё? Я думаю, раз ты спас Фаника...

– Я не буду просить у них подобного. Не теперь. Отныне они для нас почётные гости, и я... по крайней мере я... буду делать всё, чтобы они чувствовали себя именно так.

Он снова прикрыл глаза, и в моём сознании вдруг зазвенел паскудный тоненький голосок – напомнивший, с кем я имею дело.

... «я бы на их месте вообще подумала, что всё это спектакль, а на самом деле похищение Фаника тоже организовали мы»...

Я смотрела на бледное лицо колдуна, взвешивая всё, что узнала, привычно складывая разрозненные кусочки в единый пазл.

... нет, Лод не нанимал ту троицу. Но если он следил за принцессой и компанией, он мог понять, что за ними следит кто-то ещё. И когда он заманил Навинию в ловушку, оставив принца без защиты, он мог предполагать, что Фаника схватят.

И позволить это сделать.

Если он делал ставку не на Хьовфина, а на Дэнимона... Кто для него младший эльфийский принц? Если б он умер – у Дэнимона появилось бы ещё больше причин понять Алью и помогать нам в поисках заказчика. Раз выжил – наследник эльфийского престола будет по гроб жизни благодарен тем, кто спас его любимого брата. Тёмные в любом случае ничего не теряли, только приобретали. И то, что об этом Лод и словом не обмолвился мне, ничего не доказывает. Он и раньше часто говорил «пять», удерживая десять в уме: мастер стратегии, хозяин марионеток, дёргающий за ниточки, умеющий использовать каждую свою куклу наилучшим образом. А его куклы – это мы. Все мы.

Включая меня.

Опустив глаза, я устала на бежевое стёганое одеяло.

... какие у меня есть доказательства, что вчера вечером в этой самой спальне он говорил мне правду? Какие гарантии, что за его признанием не стоит голый расчёт? Да и можно ли это считать признанием? Я заговорила об этом сама, и вряд ли это вписывалось в его планы. Услышь я в ответ холодную отповедь, сорвалась бы с его крючка, а правой руке Повелителя дроу точно не хотелось терять любимую куклу накануне переговоров. Но скорми мне прекрасную вечную ложь о любви, которой мешает лишь наличие законной спутницы жизни, – и я под его контролем, куда более надёжным, чем любые ошейники, ещё надёжнее, чем раньше. И помогу ему всегда и во всём, добровольно и с радостью: что советом, что...

Когда я в бешенстве ударила ладонью по одеялу, Лод посмотрел на меня удивлённо:

– Что?

– Ничего. Мысли дурные лезут. – Я твёрдо встретила его взгляд. – Возьми мои силы.

... нет, я не буду в нём сомневаться. Я обещала, что всегда буду на его стороне. Обещала самой себе.

И нарушением этого обещания предаю себя в той же мере, что и его.

– Не говори глупостей, – Лод сказал это так естественно и устало, что меня захлестнул жгучий стыд. – Ты сама ещё не оправилась после отравления.

– Те силы, которые я предлагаю, не помогут мне оправиться быстрее.

Он вскинул бровь:

– Амант?

– Ты сам говорил, что его у меня хватает. Ты ведь можешь поправить свой роборэ за его счёт?

...меня спасало только то, что мне и так было стыдно. И ещё постыднее стать не могло. Наверное, поэтому я говорила об этом так спокойно.

– Конечно, я предпочла бы приберечь его на крайний случай, – добавила я. – Если мы попадём в серьёзную передрагу, а тебе срочно понадобится резервный источник энергии, чем моя не подойдёт? Но, наверное, это тоже вполне можно считать серьёзной передрагой.

– О крайнем случае беспокоиться не стоит. – Лод сел на постели. – Амант имеет свойство восстанавливаться. Если у девушки ещё не было первого... удовольствия – куда быстрее, чем сидис и роборэ.

– Восстанавливаться? Хотя да, если он расходует на... то, на что он расходует... странно, если бы после первого раза никому и никогда больше не хотелось. – Научный интерес помогал не смущаться. Что ж, закономерно: душевные и физические раны заживают долго, а вот желание снова получить сексуальное удовлетворение после положительного опыта приходит куда быстрее. Так что любовная энергия и правда должна возобновляться стремительнее маны и здоровья. – А почему тогда невинность так важна?

– При её потере меняется тип энергии, наполняющей резерв. И для колдунов наибольшую ценность представляет именно тот, что дан девушкам при рождении. Он... как бы сказать... самый питательный. С магической точки зрения. – На переносице Лода прочертилась хмурая морщинка. – Ты уверена? Я вполне могу обойтись без этого.

...можешь, наверное. И часть меня сейчас хотела бы пойти на попятный, чтобы посмотреть на твою реакцию. Убедиться, что ты не планировал использовать меня в качестве подручного резервуара с энергией, который с радостью поделится этой энергией, если дёрнуть за нужные ниточки.

Но другая часть просто хочет тебе помочь. И мне самой важнее именно она.

– Я же не Криста, чтобы делать предложение прежде, чем думать. Раз говорю, значит, уверена. – Стянув сапоги, я забралась на кровать с ногами; сев поудобнее, протянула Лоду обе руки. – Бери.

Он тоже сел удобнее, ближе ко мне. Взял мои ладони в свои, сжимая их бережно, но крепко, и пальцы его просветило золотое сияние, окутав светлой дымкой наши соединённые руки. Я не ощутила ничего, кроме того, как постепенно выравнивается сердцебиение, на миг сбившееся от его близости, и внезапного веселья.

...девушка отдаёт любимому мужчине свою любовную энергию. На кровати, в интимном полумраке. И никаких двусмысленных подтекстов.

Если б мне кто-нибудь такое сказал, я бы тоже посмеялась.

Когда колдовской свет померк, Лод опустил руки и открыл глаза, заблестевшие живым блеском:

– Спасибо. Так гораздо лучше.

– Обращайся. – Я сложила ладони на коленях. – Всегда рада помочь.

То не была пустая любезность. Я действительно рада была увидеть, как его щёки покидает полотняная бледность... но внезапная мысль заставила всю радость исчезнуть, как воздух из проколотого шарика.

– Скажи, о чём ты думаешь. – Лод сразу заметил перемену моего настроения.

– Ни о чём. Ерунда.

– Я уже говорил: ты слишком многое держишь в себе. Скажи.

Я помолчала, считая стежки на одеяле – мелкие аккуратные штрихи, прочерченные белыми нитками. Пять, десять, пятнадцать... Никогда не любила раскрывать кому-то душу и мысли. Во всяком случае, те их части, которые делали тебя уязвимой.

И почему тогда ему, вот уже второй раз, мне действительно *хочется* сказать?..

– Просто подумала... ты исцелил Фаника, а в моём мире он бы наверняка умер. Или остался калекой. А... моя мама – она ведь не мгновенно... не сразу, на месте...

Двадцать пять. Тридцать.

– Её довели до больницы, и она уже там, в реанимации...

Сорок.

– И если бы в нашем мире была магия... такие целители, как ты...

Я замолчала, поняв, что мне срочно нужно пробежаться по степеням девятки. Но добралась только до пятой, когда Лод накрыл мою ладонь своей: в этот раз – без необходимости.

– Магия тоже не всесильна. И убивает так же легко, как и лечит. Взамен неисцелимых ран у нас появились неисцелимые проклятия. – Другой ладонью он коснулся моего подбородка, заставив вскинуть голову. – Плачь, если хочешь.

– С чего ты взял, что я хочу плакать? – запротестовала я вяло.

– Потому что я тебя знаю. Потому что за последнее время ты увидела слишком многое и прошла через то, через что не должна была проходить. Потому что ты должна научиться плакать. Со слезами выходит боль, но ты никогда не даёшь ей выхода – и делаешь частью себя. Ты привыкла всегда быть сильной, но теперь ты не одна, и быть сильной нет нужды. Не всё время.

Я почувствовала улыбку, невольно кривящую мои губы.

– Я не хочу привыкать к тому, что я не одна. Ты тоже уйдёшь из моей жизни. Рано или поздно. Как и все, кто у меня был.

– Это ты уйдёшь из моей. Потому что сама так решила. – Во взгляде Лода таяли осенние облака. – Сноуи, я не могу быть для тебя всем, чем ты хочешь. Союзником, учителем, другом, не больше. Но я никогда не предаю тебя – и никогда не брошу наедине с твоей болью. Обещаю.

Опять эта треклятая «снежинка»! На язык уже просился раздражённый ответ, – но тяжесть, весь вечер давившая на сердце, шевельнулась вновь, и почему-то в памяти разом всплыло всё. Отец, навсегда закрывающий за собой дверь; предсмертная агония бабушки; комья глины на крышке маминого гроба; мертвенная пустота и тишина квартиры, отныне принадлежащей мне одной; Сашка, который выбрасывает мои вещи; Навиния, наблюдающая, как я умираю; заваленная трупами Хьярта и изломанное тело Фаника, стеклянные глаза Весельчака и огненный меч Мари, откровение-приговор Лода, мёртвый Артэйз, темницы дроу, отрубленная голова...

...плохо помню, что было потом. Очки куда-то делись с носа, а я лежала, уткнувшись Лоду в плечо – и, наверное, впервые в жизни рыдала, не таясь, не сдерживаясь: за маму, за утраченный дом, за невозможность любви, за все предательства, страдания и смерти. И мерзкий ком под рёбрами исчезал, выкашливался с жадными всхлипами, растворялся в нежности пальцев, легонько гладивших мои волосы, в тепле рук, обнимавших меня так крепко, так бережно. А в какой-то момент боль ушла – вся, совсем; и прежде чем утонуть в мягкой сонной темноте, я успела подумать, что Лод, как всегда, был прав.

И что я успела начисто забыть, как хорошо засыпается в чьих-то объятиях.



Глава 2

Интриганы Круглого стола

Столица подгорного королевства дреу, беломраморный Мьёркт, всегда пробуждалась ото сна неторопливо и неохотно. Вечную темноту не рассеивал дневной свет, а даже если б он мог пробиться под каменную твердь, солнце всё равно уже заходило за горизонт. Но одно за другим, волной светящегося разноцветья вспыхивали окна в домах – будто город был океаном, тёмные воды которого фосфоресцировали во мраке мириадами радужных искр.

Впрочем, этой ночью одно окно в башне королевского дворца горело задолго до остальных. Вернее, оно и не гасло вовсе.

Покои для пленников мало напоминали пристанище принцев и принцесс. Поскольку кровать занимал Фаник, Навиния устроилась на гряде одеял, наваленных на полу у камина. У окна, рядом со столом, виднелось ещё одно спальное место – там разместился Восхт, листая книгу в потёртом кожаном переплёте.

– Эти «Записки» действительно обрываются как раз накануне переговоров. Словами «непонятно, на что способны эти светлые», – доложил он спустя долгое время молчаливого чтения. – Но это не может ни подтвердить, ни опровергнуть причастность тёмных к тому, что там случилось.



– Я же говорила, – проворчала Криста, примостившаяся на стуле по соседству. – Я эту книгу всю просмотрела, когда Снежка её читала.

Дэнимон сидел рядом с невестой, наблюдая, как Навиния играет с папеем: поочередно подставляет ему ладони, позволяя зверьку перебегать с одной на другую. Хотя едва ли принцесса меняла руки осознанно – она смотрела в пол застывшим взглядом, и мысли, которые её отвлекали, были не самыми весёлыми.

– Наверное, тёмные ещё не проснулись? – спросил Дэнимон, переведя взгляд на брата. Тот по-прежнему спал, повернувшись на бок, дышал с мирным присвистом. – Потому и не заходят?

– Мы всегда встаём раньше их. Они-то привыкли пережидать весь день во сне. – Криста накрыла пальцы жениха своими. – Так не терпится сообщить им о твоих подозрениях?

– Если я правильно оценил ум Лодберга, они первыми сообщат мне о том же, – горько усмехнулся тот.

– А вдруг ты всё-таки не прав?

– Я мечтаю о том, чтобы я оказался не прав. Но это первая кандидатура, которая приходит мне в голову, и самая логичная.

Криста ничего не сказала. Просто коснулась губами его щеки: раз, другой.

На третий хмурое лицо Дэнимона немножко посветлело.

– Мне жаль, что я не добился свободы для всех вас, – произнёс он.

– Ты был не в тех условиях, чтобы торговаться. И я радовалась, что хотя бы ты скоро будешь на свободе. – Криста укоризненно качнула головой. – И всё равно ты был не прав! С этой клятвой. Надо было дождаться, пока Фаник поправится, и всё-таки...

– Уходить? И что бы тогда мы сделали там, наверху, одни? Против собственного отца и всего нашего народа? Я предпочёл, чтобы в этом деле у нас были союзники. Раз мы обрели их среди тёмных, значит, так тому и быть.

– Мы теперь сами тёмные. Предатели своих народов, – голос Навинии зазвучал неожиданно – и неожиданно горько. – И, кажется, это единственный титул, который я теперь могу носить.

– Не говори так, – поморщился Дэнимон. – Ты не...

– Я всегда хотела, чтобы родители могли мной гордиться. Не желала быть всего лишь чужой игрушкой на доске. Принцессой из набора фигурок для скаука. Я считала, что делаю всё во благо своей страны. – Резким движением посадив папеев на плечо, Навиния опустила руки. – А теперь я не нужна этой стране.

– Хватит, Вини, – горячо произнесла Криста. – Твой народ любит тебя, а заговорщики и придворные интриги были и будут всегда! Радуйся, что они проявили себя во всей красе. Теперь, как вернешься, без зазрения совести отправишь весь совет в отставку, и дело с концом. Ты и так не больно-то к нему прислушивалась. И правильно делала, – подумав, добавила девушка. – Советы предателей до добра не доведут.

Навиния промолчала; Восхт хмыкнул, но ничего не сказал. Дэнимон тоже не стал возражать – лишь покосился на невесту, однако по личику Кристи невозможно было определить, действительно ли она верит тому, что говорит, или просто понимает: сейчас Навинии нужно услышать именно это.

Криста всегда вела себя так непосредственно, что окружающие привыкали не сомневаться в искренности её реакций. Меж тем как Дэнимон знал: Криста предпочитала разыгрывать наивную доверчивость и любовь ко всем вокруг даже тогда, когда вовсе не склонна была доверять хоть кому-то. Она тонко чувствовала тех, с кем имеет дело, но при острой необходимости прекрасно умела не выдавать своих чувств. Просто чаще всего не считала это острой необходимостью.

Впрочем, теперь Дэнимон был даже рад тому, что иномирной девчонке со снежным именем удалось её обмануть.

Фаник проснулся резко, словно от кошмара. Рывком сел в постели, судорожно озираясь, явно не понимая, что происходит, – и увидел брата.

– Дэн? – выдохнул он. – Тебя же...

– Да, меня похитили дроу. А тебя похитили люди. – Дэнимон встал, лишь сейчас позволив себе в полной мере ощутить облегчение. – Как ты?

– Я... не слишком хорошо. – Фаник уставился на свои руки, лежавшие поверх одеяла. – Меня похитили? Последнее, что я помню, – люди... трое, и маг прочитал заклятие, а потом... наверняка слуги тёмных, чтоб их! – Он бессильно упал обратно на подушку. – Где мы? Ты сбежал от дроу вместе с Кристой и нашёл меня? Или Вини всё-таки поймала наследника Ильхта и спасла тебя?

Какое-то время Дэнимон соображал, как бы деликатнее преподнести братишке последние новости, но так и не сообразил.

– Вообще-то... мы у дроу, – мягко вымолвил принц. – И это они помогли мне найти и спасти тебя. А твоих похитителей нанял кто-то из эльфов... во всяком случае, я в этом уверен.

Взгляд Фаника красноречиво отразил сомнения в здравом уме старшего брата – или в том, что это не ещё один сон.

– Ты хочешь сказать, что меня похитили *светлые*, а спасли *тёмные*?

Заговорил он после о-очень долгой паузы, явно не доверяя тому, что говорит. И вместо ответа Дэнимон, коротко выдохнув, прошёл к кровати, чтобы сесть рядом с братом.

Этот разговор обещал выйти куда дольше, чем пауза перед ним.

* * *

Я проснулась в своей постели у камина, рядом с Бульдогом, привычно пускавшим слюни на мою подушку.

И почти сразу вспомнила, что засыпала вовсе не в своей постели.

Нашарив очки, которые кто-то заботливо положил рядом, я нацепила их на нос – и встретила взгляд Морти.

– С пробуждением.

Зрелище принцессы дроу, сидевшей в кресле с книгой, вынудило меня подскочить в постели, судорожно пытаясь понять, чем я обязана её присутствию. Должно быть, когда я уснула, Лод перенёс меня сюда; но, может, Морти успела прийти и застать, как мы лежим в обнимку? И теперь...

– Спасибо, что помогла Лоду, – добродушно произнесла принцесса. – Во всех смыслах.

От тепла её улыбки торнадо лихорадочных мыслей мигом утих.

– А... – я растерянно моргнула, – не стоит.

– Все заняты на совете, а меня туда не пускают, – пожаловалась Морти, упреждая вопросы, которые я едва ли осмелилась бы ей задать. – Решила подождать здесь – какая мне разница, где читать... Заодно смогу поблагодарить тебя, когда проснёшься, и передать слова Лода.

– Какие слова?

Морти кивнула на стол, где лежало знакомое зеркальце с серебряной крышкой:

– Лод немного его доработал. Решил, тебе полезно будет знать, о чём идёт речь на встрече с послем лепреконов. Если откроешь зеркало, оно покажет зал совета.

– О, здорово! – моя искренняя радость длилась всего миг. – А вы? Разве вам неинтересно?..

Усмехнувшись, Морти слегка пожала плечами.

– В детстве я вечно крутилась под дверьми. Пыталась шпионить. Потом привыкла, что Лод с Альей просто рассказывают мне то, что считают для меня нужным и допустимым. Женщинам дреу, даже из правящего дома, издавна не дозволяется следить за советами Повелителя... с помощью магии – в том числе. Это традиция, которую я не собираюсь нарушать. Подслушивать тайком недостойно принцессы из рода Бллойвуг.

– Тогда почему Лод дал зеркальце мне?

– Наверное, потому что ты не дреу? – весело заметила Морти. – За меня не беспокойся. В конце концов, там зачастую обсуждают такие вещи, в которых я ничего не соображаю.

– Вряд ли я соображаю больше вашего.

– Должно быть, больше.

Морти опустила взгляд в книгу, и я сочла, что спорить будет лишним. Встала, ожидаемо обнаружив себя полностью одетой, сунула ноги в мягкие туфли и побрела в ванную.

...забавно. Я уже имела возможность убедиться, что риджийские законы и обычаи сильно отличаются от законов и обычаев нашего мира: начиная с судебных тонкостей, которые я наблюдала на примере истории с Артэйзом, и заканчивая отношением к близости до брака. Позиция риджийцев, которые явно не придавали девичьей невинности большого значения, импонировала мне куда больше земной зацикленности на целомудрии; я знала, откуда идут её исторические корни, но в наше время иметь подобный пункт – попросту смешно. Какая разница, есть у твоей избранницы в определённом месте какая-то перепонка или нет? Ты ведь не с перепонкой жить собираешься (тем более что её в любом случае придётся ликвидировать). А некоторые девушки, гордившиеся, что сохранили свою перепонку до свадьбы... с тем же успехом можно гордиться, что тебе посчастливилось ни разу не сломать ногу.

Но, видимо, даже в Риджии есть место предрассудкам. И женщин всеми силами стараются не допустить к правлению – если не прямо, как Морти, то тихо, как Навинию. А при таком раскладе, если у меня не получится вернуться домой...

Ладно, рано думать о будущем. Для начала стоит выпутаться из настоящего.

Умывшись, я опёрлась руками на край раковины. Вскинула голову, слушая ровный шум воды, глядя на своё отражение.

К счастью, очки я сняла, так что вместо лица взору представало лишь бледное пятно с размытыми чертами.

...и почему Морти ведёт себя со мной *так*? Бесконечно уверена в своём избраннике и знает, что он в любом случае сохранит ей верность? Но даже при таком раскладе ты едва ли будешь подталкивать своего избранника к сближению с влюблённой в него девушкой. Как говорится, на бога надейся, а сам не плошай; не люблю эту поговорку по причине убеждённого атеизма, да и вряд ли в Риджии она есть, однако всякий умный человек прекрасно понимает этот принцип – а Морти бесспорно умна. Или же она *не* уверена в своём избраннике и таким образом устраивает ему испытание? Но использовать в качестве объекта для подобного испытания *меня*, когда Лода не прельстила Навиния, лезшая к нему и так, и эдак, и косинусом вперёд?..

Я замерла, уставившись на текущую воду.

...ха. Ну конечно. И почему я не думала об этом раньше? Лод и Морти вместе уже не первый год, но он всего лишь её хальдс – не супруг. Учитывая, что Алья явно не имеет ничего против их союза... если они до сих пор не узаконили отношения, значит, на то есть причина. И наверняка она кроется в том, что короли, как известно, могут всё, кроме одного. Впрочем, насколько я помню, замужество вовсе не обязывает разрывать отношения с хальдсом – и ничто не мешает колдуну оставаться фаворитом принцессы, даже если она выйдет замуж не за него...

Ладно, хватит. Лучше вернусь к волшебному зеркальцу и послу лепреконов, наблюдение за которым обещает быть куда важнее и увлекательнее, чем мои домыслы по поводу чужой личной жизни.

Морти увлечённо читала всё на том же месте, зато на столе перед ней, по соседству с зеркальцем, появился знакомый серебряный колпак. Видимо, Акке успел принести мой завтрак. Хм...

– Боюсь, пока я буду завтракать, совет уже закончится, – покосившись на Морти, громко посетовала я. – А если уйду с зеркалом в другую комнату, чтобы вы случайно не услышали, о чём говорится на совете, еда успеет безнадежно остыть. И что же нам делать?

Не отрывая взгляд от книги, принцесса улыбнулась, – и хотя бы одна из причин, по которой она решила дожидаться моего пробуждения, стала мне ясна.

– Принцессе из рода Бллойвуг не пристало подслушивать, – заметила Морти невинно, – однако никто не в силах помешать ей спокойно читать, пока рядом подслушивает кто-то другой.

...как я и думала.

Понимающе хмыкнув, я села на табурет. Откинув серебряную крышку, коснулась кончиком пальца стеклянной поверхности и, положив зеркальце на столешницу, потянулась к колпаку, укрывавшему мою еду.

Наконец-то смогу, как дома, поесть за просмотром чего-нибудь интересного.

– ...самим не по душе вся эта ситуация, Повелитель, но вы же понимаете...

В зеркале отразился небольшой круглый зал, отделанный типичным для дворца дроу чёрным мрамором. За длинным прямоугольным столом спокойно разместились Лод, Алья, с десяток других дроу и трое лепреконов: вылитых эльфов, только не выше восьмилетних детей, да волосы не золотые, а рыжие, как мандаринки. Один из них как раз вещал что-то низким размеренным голосом, который никак не мог принадлежать ребёнку.

– ...мы чужды предрассудков, вы знаете. Мы помогли вам по мере своих скромных сил все эти триста лет. Мы не в обиде на призраков прошлого, и та история на пиру вызвала и у нас много вопросов, – слова лепрекона звучали достаточно рассудительно, чтобы им поверил даже скептик вроде меня. – Откровенно говоря, наш народ вздохнул с облегчением, когда венценосный отец нашего Повелителя не вернулся в своё королевство. Но хоть нам и стоило бы сказать «спасибо» тому, кто прервал правление взбалмошного полудурка, мы пытались найти истинного виновника резни... в отличие от людей и эльфов. Мы не хотим этой войны, мы не будем воевать с вами, но эльфы и люди – хотят. И в открытом столкновении с ними – что мы можем? Нас, как и вас, ничтожно мало. После пропажи принцев эльфы возненавидели вас с новой силой. В армию людей, кажется, собрали всех мужчин от двадцати до пятидесяти. У светлых огромное войско. Сильное войско. И этому войску не терпится стереть вас с лица земли.

– Триста лет назад Тэйрант тоже был силён, – бесстрастно произнёс Алья. – Однако тогда вы примкнули к проигрывающей стороне.

– Триста лет назад войну выигрывал сумасшедший фанатик, который после уничтожения эльфов и людей переключился бы на нас. Без обид.

– Что вы, какие обиды.

В зеркальце трудно было разглядеть лицо Повелителя дроу, но, откусывая очередной кусок тёплой румяной булочки с сыром, я слышала его усмешку.

– Сейчас место Тэйранта занял другой сумасшедший фанатик, – заметил Лод.

– Вы в выигрышном положении. У вас есть шансы победить в этой войне, просто отсидевшись под горами, и шансы эти...

– На сей раз светлые не отступят, – тихо проговорил дроу, сидевший по левую руку от Алии. – Ни за что.

Он был темноволосым, к моему удивлению. Черноту длинных прядей лишь подчёркивала белизна одежд, сдержанно расшитых алым шёлком. Белый и красный... цвета дома Рауфгата, вдруг вспомнила я.

Того же дома, к которому принадлежал едва не убивший меня Артэйз.

– Они задавят нас количеством, – продолжил дроу. – Им всё равно, сколько народу они потеряют в наших тоннелях. Потому и забирают в армию всех, кого могут. Тысячи умрут, чтобы остальные прошли по трупам и вырезали нас, как папеев в норах. Но вам всё равно, верно? Вы ведь...

– Лу.

Алья сказал это без угрозы, почти шёпотом. Всего одно короткое слово: видимо, имя того, кто говорил.

Однако дроу моментально смолк.

– Мы понимаем ваше тяжёлое положение. И, помимо информации, подсобим чем-то более существенным, – любезно произнёс лепреккон. – Мы дадим вам то, что поможет вам пережить осаду. И плату не возьмём, – последнее он добавил с неохотой; его товарищей на этом месте и вовсе передёрнуло. – Но это всё, чем мы можем помочь.

– Нет, не всё, – вежливо поправил Лод. – Вы могли бы отдать нам драконьи жемчужины.

Лепрекконы уставились на колдуна долгим молчаливым взглядом, и я замерла, не донеся чашку с чаем до губ. Драконьи жемчужины? Это что ещё за вундервафля?..

– Чем они вам помогут? – наконец спросил один из посланцев маленького народца.

– Пблно. – Лод улыбнулся: для переговоров он предпочёл снова натянуть маску плюшевого мишки. – Вам ли не понимать, насколько это полезные вещицы. Особенно в нашей ситуации.

– Большинство жемчужин хранится в сокровищнице нашего Повелителя и никогда не покидает дворца. Мы считаем их справедливой платой за всех, кого мы потеряли в Войне Пяти Народов.

– Вы же вроде не в обиде на призраков прошлого, – подметил кто-то из дроу, и по голосу я опознала эмера Айкатта, отца покойного Артэйза.

– И не отказываемся от своих слов. Но вы же понимаете... если вам всё же не удастся отсидеться под горами, жемчужины для нас будут потеряны безвозвратно – и если эльфы или люди найдут их... догадаются, что мы вам помогали...

– В общем, вы просто жалкие трусы, – негромко и устало констатировал тот же темноволосяй дроу, – которые в своём паскудном лицемерии решили бросить целый народ подыхать.

Хоть отчасти я была с ним солидарна, – испанский стыд от осознания, сколь неразумна подобная реплика, заставил мою руку прижаться к лицу.

– Лу!

Крик принадлежал эмеру Айкатту, но он опоздал: лепрекконы уже вскочили с мест.

– Знаете ли... – начал один, уязвлённый до глубины души, – и замолчал, когда их обидчик поднёс ладонь ко рту, изумлённо ощупывая собственные губы.

– Простите Лундвинэлу это ужасное и незаслуженное оскорбление. Он недавно потерял брата, а горе затмевает разум, – опустил руку, произнёс Лод. – Мы прекрасно понимаем вашу позицию. И будем безмерно благодарны за любую помощь, которую вы сможете нам оказать.

– Мой Первый Советник, как обычно, выразил мои мысли лучше меня, – заметил Алья, прежде чем встать. – Предлагаю обсудить детали ваших щедрых даров с моим Советником по экономике, Советником по снабжению и Советником по военным делам... в приватной обстановке. Прошу за мной. – Повелитель дроу прошёл к двустворчатым дверям. – Первый Советник присоединится к нам, когда растолкует Лундвинэлу всю ошибочность его поведения. Лод, жду в моём кабинете.

Он вышел, и лепрекконы поспешили следом. Один из них злорадно оглянулся на темноволосяго дроу; тот так и сидел, прижав руку ко рту. Трое Детей Луны тоже поднялись из-за стола, и одним из них был эмер Айкатт. Прежде чем покинуть зал, он коснулся плеча Лундвинэла – сдержанным, успокаивающим, отеческим жестом.

...похоже, не только младший его сын не умел держать себя в руках.

Когда в зале остались только шестеро дроу и один человек, Лод провёл пальцем в воздухе длинную горизонтальную черту:

– Для будущего главы великого дома Рауфгата ты демонстрируешь поразительную несдержанность, – в голосе колдуна не было ни осуждения, ни издёвки – он лишь констатировал факт.

– Зато ты, как всегда, само хладнокровие. – Лундвинэл отнял пальцы от лица, и я поняла, что ему вернули способность говорить. – Эта их *помощь* ничего не даст. Нам нужны не припасы, а лишние руки, способные держать клинки.

– В нашей ситуации любая помощь даст многое.

– О да. Конечно. Только *другая* помощь могла бы дать гораздо больше, – интонации дроу резали сарказмом не хуже тех самых клинков. – Где же был твой блестящий ум на этот раз, Первый Советник? Почему ты не убедил маленький народец присоединиться к нам?

– Я пытался, если ты слышал. Как и все мы.

– Но из всех нас, кажется, только тебя нисколько не волнует провал. Так сблизился со своими драгоценными пленниками, что в душе уже надеешься на победу светлых? Ты ведь должен быть рад, что наконец можешь поболтать с кем-то из соплеменников.

– Шансы на успех переговоров по этому вопросу изначально были нулевые. К сожалению, я ещё ни разу не ошибся в подобных расчётах.

– Расчёты. Шансы. В этом весь ты. – Лундвинэл резко, с невыносимым скрипучим звуком отодвинул свой стул. – Мне иногда хочется вскрыть тебе грудную клетку и посмотреть, есть ли в ней сердце. – Он встал. – Тебе вообще ведомо, что такое чувства?

– Лу. – Лод неторопливо поднялся на ноги, и шестеро дроу, безмолвно следивших за перепалкой, последовали его примеру. – Я понимаю боль твоей утраты, но советую тебе брать пример с отца. Позволить *чувствам* взять над собой верх в такое тяжёлое время... нехорошо по отношению к нашему народу.

– Нашему, – повторил дроу.

«*Но не твоему*», – читалось в его словах.

Дроу с тревогой переглянулись, однако эти двое смотрели только друг на друга: мужчина, потерявший брата, и мужчина, убивший этого брата.

Они просто стояли, разделённые столешницей тёмного дерева, – и всё же я почти слышала, как звенят в воздухе невидимые клинки.

– Обвинение в измене, Лу, – серьёзное обвинение. Но если оно беспочвенно, это тяжкое оскорбление, – голос Лода ласкал, как шёлк. – Поскольку я безмерно уважаю тебя, твоего отца и твой дом, я спрошу всего один раз: ты *действительно* хотел меня оскорбить?

Его оппонент помолчал. Потом, также молча, приложил ладонь к сердцу, низко склонил голову и, развернувшись на каблуках, вышел из зала.

– Извинения приняты, – бросил Лод ему в спину. – Господа, наш совет окончен. Благодарю.

...прекрасный мужчина.

Дружно поклонившись, дроу поспешили покинуть поле моего зрения. Дождавшись, пока Лод тоже удалится, я захлопнула серебряную крышку – и наконец посмотрела на Морти.

Взгляд принцессы был устремлён на зеркало, и во взгляде этом плескалась печаль.

– Что скажете? Раз уж вы... случайно всё слышали, – осторожно осведомилась я.

– Лепреконы всегда были себе на уме. Они и в прошлый раз вмешались лишь потому, что понимали: от исхода войны зависит и их судьба. Если б им ничего не грозило, они бы бросили эльфов и людей так же, как теперь бросают нас. – Морти закрыла книгу. – Но Лод прав. Нас не спасут клинки. Наш единственный шанс – предотвратить войну. Выиграть её, с помощью лепреконов или без неё, шансов нет.

Я кивнула, прекрасно осознавая её правоту. Хотела расспросить об этом Лу, но передумала: вспомнила нечто поважнее скорбящего брата моего несостоявшегося убийцы.

– А что за драконьи жемчужины?

– Величайшее сокровище нашего народа. Вернее, когда-то было им, – принцесса печально улыбнулась. – Не задумывалась, откуда мы берём еду, которую под горами, как ты понимаешь, достать трудно?

– Ну, скот может пастись в горах...

– А хлеб?

– От лепреконов.

– Одной помощью от лепреконов целый народ не прокормишь, – справедливо заметила Морти. – Драконьи жемчужины – камни, которые можно найти только в желудке дракона. И ценят их не столько за неоспоримую красоту, сколько за уникальные магические свойства: приумножать то, с чем они соприкасаются. Опустит жемчужину в горшок с двумя зёрнышками пшеницы, и через час он наполнится зерном до краёв.

...действительно вундервафля.

Я невольно и неумело присвистнула.

– Да, это великая ценность. – Морти правильно истолковала мою реакцию. – А добывал её в основном наш народ. Мало кто может справиться с драконом, и тут недостаточно одной эльфийской ловкости. Пока жемчужина пребывает в желудке дракона, она даёт ему недюжинную силу, здоровье и способность почти мгновенно заживлять любые раны.

– Я думала, драконы сами по себе такие сильные.

– Мы тоже так думали. Но опытным путём выяснили, что нет.

– А если жемчужину проглотит человек или дроу? – Я с энтузиазмом прикидывала потрясающие возможности подобного имплантата.

– Что нормально для драконов, смертельно для нас. Человек, эльф, дроу или лепрекон – кто бы из них ни проглотил жемчужину, он умрёт.

– Жаль. Но вещь всё равно прекрасная. И как давно стараниями охотников за жемчужинами перевелись драконы?

– Дракон, который когда-то пообедал отцом Тэйранта, был одним из последних представителей своего вида в Риджии, так что... лет триста назад. Оставшиеся улетели в другие страны, подальше от дроу. Впрочем, и там их немного, насколько я слышала.

– Логично.

– Увы. – Морти провела серым пальцем по корешку книги, так и лежавшей у неё на коленях. – Жемчужины бывают разных видов, и один вид работает с определённым... типом вещей. Те жемчужины, что приумножают зерно, не приумножат вина в кувшине, и наоборот. Виды различаются цветом: золотые – для зерна и муки, белые – для молока, мёда и воска, розовые – для спиртного и масла... Все они довольно распространены, и даже сейчас штук десять таких есть в каждом городе дроу. Их всего-то три, и Мьёркт – самый большой, – голос принцессы окрасила горечь.

– А каких нет? – задала я напрашивавшийся вопрос.

– Редких. Тех, что находились в одном драконе из ста. Тех, что наш народ оставил в наших городах, когда дроу бежали под горы. Тех, что потом достались светлым в качестве военных трофеев. – Морти отстранённо смотрела прямо перед собой. – Зелёные жемчужины, которые делают несказанно плодородной почву, если их туда закопать, а любой водоём – источником чистой питьевой воды. Серые, которые можно опустить в жидкий металл – и не важно, золото это, серебро или сталь, но жемчужина приумножит его. – Хм, а это объяснило бы волшебные горшочки с золотом, что в легендах приписывают лепреконам... – И чёрные, которые взаимодействуют с магическими веществами. Такими, как зелья...

– Или волшебная пыльца, – закончила я.

– Именно.

– И что, их совсем-совсем?..

– Пара зелёных у нас осталась. Одна серая, благодаря которой мы и можем расплачиваться с лепреконами. Ведь цены они обычно объявляют... если б не думали, что мы располагаем исключительно тем золотом, что можем вручную добыть под горами, объявляли бы ещё в три раза больше. Мы пытались заполучить редкие жемчужины обратно, но светлые слишком хорошо их охраняют. А все чёрные и вовсе достались лепреконам.

– И почему это так страшно?

– У лепреконов невозможно ничего украсть. Это знают все испокон веков. – Морти, нагнувшись, почесала за ухом Бульдога: пёс грустно смотрел на нас, сидя у ножки кресла. – У лепреконов своя, особая магия, которая позволяет надёжно защитить то, что принадлежит им. К примеру, та сокровищница Повелителя, которую упоминал посол... Оттуда нельзя вынести ни один предмет, если ты не лепреконт. Сокровищница просто не даст тебе выйти.

– А что мешает захватить какого-нибудь лепреконт в заложники, надеть на него ошейник и приказать вынести жемчужины?

– Если лепреконт понимает, что выносит предмет из сокровищницы незаконно, его тоже не выпустит.

Да уж... и впрямь интересная магия.

– А снять чары, наложенные на сокровищницу, никак нельзя?

– Многие пытались. Ни у кого не вышло. Даже у самых могущественных магов в истории Риджии. Надёжная защита от расхищения, согласись.

Я нехотя кивнула. Хотя сдаваться не собиралась. Может, местные и верят в непреложность закона «у лепреконов невозможно ничего украсть», но я не склонна принимать что-либо на веру. Гипотезу Пуанкаре тоже когда-то внесли в список задач тысячелетия⁴, и прежде чем признать задачку с жемчужинами неразрешимой, я хотя бы попытаюсь поискать решение.

На досуге.

– Я знаю Лода. Он не рассчитывал, что лепреконы согласятся отдать жемчужины. Да они и не нужны нам... не для того, чтобы предотвратить войну, по крайней мере. – Морти поднялась на ноги, и Бульдог радостно вскочил вместе с ней. – Проведаешь Фаника со мной?

Предложение было неожиданным – и настойчивое дружелюбие со стороны принцессы настораживало всё больше.

– А разве не разумнее будет дождаться Лода?

– Нет нужды. – Принцесса вскинула руку: на пальце её блеснуло управляющее кольцо. – Взяла у Альи до совета. Не думаю, что в нём возникнет нужда, но осторожность не помешает.

Поразмыслив, я всё-таки встала:

– С радостью составлю вам компанию.

...как справедливо заметил Пьюзо, друзей надо держать близко, а врагов – ещё ближе. И пока я не знаю, к какой категории относить Морти, отдаляться от неё определённо не стоит.

Сопровождаемые цокотом когтей Бульдога, мы спустились в гостиную, где нас ждал сюрприз в лице Навинии, сидевшей в кресле с отсутствующим видом. Папшей деловито умывался у неё на плече; я покосилась на пса, но тот, к счастью, прямоком посеменил под стол. Видимо, не заметил грызуна.

– Приветствую, принцесса, – любезно произнесла Морти.

Навиния покосилась на неё и молча опустила взгляд, вновь уставившись в пол.

⁴ Задачи тысячелетия – семь математических проблем, решение которых до сих пор не найдено; гипотеза Пуанкаре – математическая гипотеза, которую внесли в список задач тысячелетия, но в конце концов её решил российский математик Григорий Перельман.

– Я понимаю, вам пришлось нелегко. И понимаю, как вся эта ситуация вас печалит. – Морти говорила с неудавшейся соблазнительницей Лода так мягко, так дружелюбно, с таким искренним желанием подбодрить, что я в очередной раз устыдилась своих подозрений и захотела подрисовать над её головой нимб. – Но вам не стоит сидеть здесь в одиночестве, избегая общества ваших друзей. Если хотите...

– Тебе мало того, что меня и так смешали с грязью, принцесса дроу?

Когда Навиния резко повернула голову, Морти растерянно смолкла.

– Не стесняйся. Наслаждайся тем, что я уничтожена. Торжествуй. Мне показали моё истинное место, и тебе это по нраву, правда ведь? – издёвка в улыбке принцессы людей чудесно гармонировала со злой напевностью её голоса. – Унижение твоего врага. Унижение той, кто посягала на твоего мужчину. Ты считаешь, что я получила по заслугам. – Она окинула меня взглядом, презрительность которого почти кристаллизовалась в воздухе. – Вы обе считаете.

А ведь Морти до сих пор не знает о том, что произошло между Навинией и её братом, вдруг вспомнила я, заметив, как дрожат крыльями серебристых бабочек ресницы принцессы дроу. Да я и сама не знаю, коль уж на то пошло.

С другой стороны, если бы произошло то, чего я боялась, – разве Навиния смолчала бы об этом сейчас?..

– Видимо, лучшее, что я теперь могу сделать, – умереть. Жить мне отныне незачем, а смерть моя хоть кого-то порадует. – Вдруг растеряв всю злобу, Навиния ссадила паппея на столешницу и подпёрла голову рукой: печальная и прекрасная дева, готовая к встрече с голодным драконом. – Заколоть себя мне не дадут, но, может, смогу улучшить момент и выброситься из окна. Надеюсь, эта башня достаточно высока, чтобы от моего тела мало что осталось, ведь ждать достойных похорон от тёмных...

Я смотрела на паппея, осторожно обследовавшего стол, и пыталась понять, на кого рассчитан весь этот театральный пафос. В жизни не поверю, что Навиния действительно думает покончить с собой, даже если бы могла, и что ей есть дело, что думаем о ней *мы*. Хотя... роли можно играть не только для публики. Иногда мы играем их для самих себя, – и многие обманывают себя куда чаще и успешнее, чем других. Но актёрствовать куда приятнее и проще, если у тебя есть зрители.

Только вот в любую игру можно играть вдвоём. А меня всегда раздражали трепетные девы, избирающие амплу трагических героинь в стиле Офелии и сыплющие пустыми угрозами, которые тем не менее всякий раз оставляют их близким пару седых волос.

– Боюсь вас разочаровать, принцесса, но после падения от вашего тела останется очень даже много всего. Хотя состояние у него будет... хм, а любопытная задачка выходит. – Я заинтересованно провела пальцем по переносице, поправляя очки; мысли на автомате складывали формулы, а губы – слова. – Нам нужно найти силу удара вашего тела о землю. Масса тела... думаю, килограмм шестьдесят. Соппротивление воздуха не учитываем, в данном случае оно ничтожно. Притяжение в Риджии явно соответствует земному, тогда ускорение свободного падения тоже. Высота башни, насколько я помню, около тридцати метров... и итоговая скорость тела перед столкновением будет примерно двадцать четыре метра в секунду.

На самом деле приблизительно 24,259. Я вопиюще округляла тысячные, которые вычисляла в уме, – но по многим причинам расчёту всё равно суждено было выйти весьма приближенным, так что я решила оперировать целыми числами.

Решать задачу на риджийском было любопытной языковой практикой. Некоторые слова приходилось проговаривать на русском, потому что вряд ли в риджийском для них имелся перевод, но даже с переводом принцессам моя речь наверняка не стала бы яснее.

– Время удара рассчитаем, поделив высоту тела на скорость перед ударом. Предположим, вы падаете плашмя, и с вашими объёмами максимальная высота... примерно 0,3 метра. Получаем где-то 0,012 секунды...

По-хорошему время удара требовалось вычислять экспериментально, но хотя за время моего обучения из окна прыгал даже не один студент (то несчастная любовь, то заваленная сессия), я ни разу не наблюдала за этим лично. Определённо к счастью, пусть с научной точки зрения это был бы ценный опыт. Так что придётся работать с тем, что есть.

– ...а дальше всё элементарно: сила удара составит 115 200 ньютонов, и в весовом эквиваленте это 11,5 тонны. Значит, в итоге ваше тело будет в таком же состоянии, как если бы его на долю секунды придавило небольшим автобусом. Это такие металлические кареты в нашем мире, большие и о-очень тяжёлые. Но даже при подобном раскладе просто смыть ваши останки с брусчатки не получится, зато ваша голова... хм... малоприятное выйдет зрелище. – Конечно, я не была экспертом в подобных вопросах: разбившихся и раздавленных людей я видела только в кино, а киношникам свойственно искажать действительность в угоду эффектности. Но не суть. – В общем, подобным образом сводить счёты с жизнью решительно не советую. Для конца красивой легенды о несчастной светлой деве, отвергнутой собственным народом и замученной ужасными тёмными... конец весьма некрасивый. И грязный. В самом прямом смысле.

Я наконец посмотрела в лицо Навинии, с каждым мигмом вытягивавшееся всё больше – то ли от того, что она честно пыталась вникнуть в смысл моих слов, то ли от того, что она честно представила описанную мной картину.

– Наука. – Я слегка пожала плечами. – Ничего личного.

Немую сцену прервал чей-то деликатный кашель, и когда я повернула голову, меня наградили усмешка Лода и ухмылка Альи.

Чёртова защита колдуна, скрывававшая все звуки с обеих лестниц! И как давно эти двое стоят у самого входа?..

– Видимо, переговоры вышли короткими, – лукаво произнесла Морти, глядя на брата: похоже, она заметила парочку раньше меня.

– Ты же знаешь лепреконов, – сучающе откликнулся Повелитель дроу.

– Но они любезно предложили нам помощь, – произнёс Лод. – Подробности расскажу потом.

«Если вы вдруг по каким-то причинам не воспользовались зеркальцем», – молча добавил его выразительный взгляд.

«И ты ещё в этом сомневаешься?» – ответила ему укоризна в глазах Морти.

– Приветствую, принцесса, – колдун слегка поклонился Навинии. – Надеюсь, вы и ваш питомец пребываете в добром здравии. И всё же не собираетесь в ближайшее время менять это здравие к худшему.

Та обратила на него ледяной, исполненный глубочайшего презрения взор, но в ответ встретила непроницаемую улыбочивость. Попыталась проделать тот же фокус с Альей – и, не выдержав даже пары секунд, потупилась.

...пожалуй, если б на меня смотрели с заинтересованным вниманием хищника, прагматично прикидывающего из засады расстояние до жертвы, я бы тоже проиграла битву в гляделки.

– Акке! Увы, но я не успела им воспользоваться, – без перерыва добавила Морти, обращаясь к брату, стягивая с пальца кольцо. – Вы тоже шли к светлым? Тогда возвращаю это тебе... Акке, будь добр, принеси мой ларец с лекарствами.

Последнее она вновь адресовала иллюранди, выступившему из теней в углу.

– А потом сделай так, чтобы здесь можно было сидеть вдесятером, – добавил Лод, кивнув на стол. Когда иллюранди поклонился и исчез вновь, направился к дверям в комнату пленных. – Один совет мы провели, настало время для другого.

Чуть позже я прислонилась к стене по соседству с Альей, наблюдая, как Морти с ложки поит Фаника лекарствами из пяти разных склянок: у самого принца руки дрожали так, что содержимое первой ложки, которую он гордо попытался принять сам, в итоге оказалось на

подушке. Хорошо хоть не попало ни на батистовую рубашку, ни на штаны, в которых принц теперь сидел поверх одеяла.

– Через пару дней дрожь пройдёт, – успокаивала пациента Морти, отмеряя очередную порцию лекарства из очередной бутылочки. Лод, который после осмотра нашёл состояние принца «сносным», кивнул в знак подтверждения. – Впрочем, если вы находите унизительным принимать лекарство из рук врага, могу поручить это кому-то из ваших друзей.

Фаник в ответ слабо улыбнулся, а я подумала, что тёмным можно выставлять Морти в качестве тяжёлой артиллерии. Трудно представить существо, которое, познакомившись с принцессой дроу, не проникнется к ней тёплыми чувствами.

Одно такое, конечно, сидело сейчас в гостиной, но для всякого правила обязано существовать подтверждающее исключение.

– Принцесса, тот, кто спас мне жизнь, мне если не друг, то точно не враг. И если вы считаете, что я унаследовал от отца исключительную гибкость взглядов, вы ошибаетесь. – Фаник посмотрел на Лода. – К слову, примите мои извинения, что при нашем знакомстве я мысленно желал вам издохнуть на месте.

– В обстоятельствах, при которых мы познакомились, это было вполне естественное пожелание, – любезно откликнулся тот.

– Да, но как было бы забавно, если б оно сбылось. – Принц покорно открыл рот, чтобы принять вот уже четвёртое зелье. Лицо Фаника утратило детскую припухлость, что я заметила неделю назад, и теперь он ещё больше походил на Дэнимона: босоногий, худой, белокожий почти до фарфоровой прозрачности, с непослушными тёмными вихрами, укрывающими острые уши. – Кхм... Ведь в таком случае сейчас мой изуродованный труп лежал бы где-нибудь в Тьядри. Или где-нибудь здесь, не столь изуродованный, но, боюсь, меня бы это мало утешило.

...в такой ситуации он даже чувство юмора сохраняет? Надо же. По рассказам Кристы у меня успело сложиться впечатление, что Фаникэйл – мягкотелый инфантильный мальчик, тщетно пытающийся подражать сильному старшему брату. Однако в том, как он вёл себя сейчас, – во власти тех, кого всю жизнь считал врагами, когда весь его мир полетел к чертям, – инфантильности не было ни капли.

И почему он смутно напоминает мне кого-то знакомого?..

Словно почувствовав мой пытливый взгляд, младший принц посмотрел на меня. Я уже хотела отвести глаза, когда Фаник с усмешкой оглянулся на Восхта:

– А мы ведь говорили Вини, что твоя белая ведьма служит дроу.

Тот, устроившись на стуле у окна, лишь руками развёл, словно извиняясь за оставшуюся в гостиной принцессу.

Белая ведьма?..

– Прошу прощения? – вежливо осведомилась я.

– Так тебя Восхт прозвал. Когда рассказывал нам с Вини, как ты похитила Дэна. – Фаник снова посмотрел на меня. Надо же, правильно истолковал мой вопрос. – Имя своё ты ведь ни ему, ни мне сообщить не удосужилась. А даже если бы сообщила, верно выговорить иномирные имена непросто.

– Понимаю. Можете звать меня «эй ты», я не обижусь.

Он не удивился. Лишь улыбнулся, как хорошей шутке.

– Неужели?

– В этом дворце меня называли и похуже.

– Может, хозяева дворца считают, что имеют на это право, но я здесь лишь вынужденный гость. – Карие, коричневого оттенка глаза весело блеснули под прищуром пушистых ресниц. – Предлагаю сойтись на Сноуи. Если верить Кристе, это близкий перевод твоего имени, так?

Далась им эта «снежинка»...

– По-моему, «белая ведьма» подходит больше, – едко заметила бывшая сокамерница.

– Да какая из неё ведьма? – удивился Дэнимон. – При полном отсутствии Дара...

– Зато характер – ведьма ведьмой.

В ответ я прохладно усмехнулась.

– Зовите меня как угодно, – сказала я, скрепя руки на груди. – Но предлагаю всё же поговорить о том, что действительно важно.

– Ничего, девочка, – скучающе протянул Алья, – пускай детишки наговорятся. Они давно не виделись, в конце концов.

Однако под внимательным взглядом Повелителя дреу «детишки» как-то разом посерьёзнили и притихли.

– Уже наговорились? – заключил тот. – Тогда можно переходить к вопросу, кто нанял тех головорезов.

Светлые переглянулись так мрачно, что стало ясно: они не только обсуждали этот вопрос, но и пришли к каким-то выводам.

– Предлагаю переместиться в гостиную. За столом беседовать удобнее. – Лод жестом пригласил всех выйти. – Принц Фаникэйл, ваше самочувствие...

– Если рассчитываете, что я это пропущу, можете не рассчитывать. – Тот немедленно встал и, хоть его повело в сторону, легко и непринуждённо удержался на ногах. – Криста, позволишь тебя сопроводить?

Прежде чем девушка успела ответить, Фаник подхватил невесту брата под руку – и, перенеся на эту самую руку большую часть своего веса, тут же перестал пошатываться.

– Конечно, – нежно улыбнулась та. – Позволю.

Они степенно направились к двери, а я задумалась, сочтёт ли бывшая сокамерница и это проявлением безответной любви «принца из френдзоны»... в которой я вдруг сильно усомнилась.

Вокруг стола уже ждали трёхногие табуреты. Кресла Акке убрал к дальней стене, оставив лишь одно, которое занимала Навиния; та взирала, как мы рассаживаемся, с надменным спокойствием сфинкса. Бульдог благополучно исчез – видимо, предпочёл вернуться в лабораторию. Паппей спал, свернувшись клубочком на коленях принцессы.

Когда незанятым остался лишь один табурет, каждый собравшийся за столом обвёл взглядом «сообщников»: четырёх тёмных, занявших одну половину, и пятерых светлых – на другой. Морти села по левую руку от Алья, Лод устроился справа, я примостилась рядышком, между ним и Фаником. Обычная смертная девчонка – в обществе двух Повелителей, двух принцев, принцессы и трёх колдунов...

– Вы тоже думаете, что это был тэлья Фрайндин? – плохо скрывая волнение, проговорил Восхт.

...значит, светлые смогли сложить те же кусочки мозаики, что бросились в глаза нам с Лодом. Похвально.

Но именно потому, что они так сильно бросались в глаза, я сомневалась, что эта догадка верна.

– Не ожидал, что вы примете этот ответ, – тихий голос Эсфориэля раздался прежде, чем я увидела, как эльф подходит к столу. – Здравствуй, Фаник. Рад, что тебе лучше.

– Принадлежность к твоей семье – не повод снимать подозрения. Особенно после событий, которые заставляют переосмыслить отношение к некоторым членам семьи. – Принц широко улыбнулся. – Я скучал, дядя.

Эсфор сел по соседству с Морти, и впервые я наяву увидела на его губах по-настоящему тёплую улыбку.

– Не ожидал, что кто-то будет скучать по предателю и изменнику.

– Мы тут все теперь предатели и изменники, – безмятежно отозвался Фаник. – Да, мы с Дэном для светлых мученики, но только потому, что они сейчас нас не видят. Если б отец узрел нашу мирную беседу... Насчёт Дэна не знаю, а меня бы он точно прикончил на месте.

В словах не было ни сожаления, ни горечи. Судя по всему, Фаник не особо страдал из-за отсутствия отцовской любви: просто взаимно не питал к дражайшему родителю тёплых чувств.

– Не преувеличивай, – поморщился Дэнимон. – Отец...

– Предпочёл бы видеть меня мёртвым, но не живым стараниями тёмных. Взгляни правде в глаза, Дэн. Возможно, я бы единственный раз в жизни заслужил его одобрение: если б очнулся в том подвале прежде, чем вы меня вытащили, и убил себя, дабы не попасть в лапы наследника Ильхта. – Младший принц непринуждённо прилёг на стол, положив подбородок на руки, сложенные на старом дереве. – Всё ещё ищешь отцу оправдания? То, что он сделал с нами, ожидаемо, но никаких оправданий этому быть не может.

– Он сделал то, что должен был сделать хороший правитель, – в голосе наследника эльфийского престола прорезались непреклонные стальные нотки. – Если однажды, пощади Пресветлый, передо мной встанет подобный выбор, я надеюсь, что у меня хватит сил поступить так же.

– Он был бы хорошим правителем, если б не собирался отправить своих подданных на смерть в напрасной войне. Теперь, когда ты здесь, неужели ты не видишь, как отец заблуждался? Нет никакой страшной угрозы для всех светлых – он сражается против врага, которого сам придумал. Против врага из собственной памяти. А настоящий враг, пользуясь его слепотой, все эти годы прятался у него под носом.

Восхт прокашлялся, решив замять разговор, пока братья не передрались. А я подумала, что до сего дня слышала о Фанике то, что он «слишком мягкий» – от Кристы; что Хьовфин не слишком-то его любит – от неё же; и что он не больно хорош в бою – от неё и от Лода. И могла бы раньше предположить, что в действительности из всего этого вырисовывается типичная история о двух сыновьях, из которых один покрепче, другой поумней, но отцы так часто хотят видеть своих сыновей рыцарями без страха и упрёка...

Что ж, может, для Хьовфина ум не являлся качеством, которое ценят превыше всего, но у меня среди двух его сыновей явно наметился иной фаворит.

– Мы не приняли этот ответ, тэлья Эсфориэль, – изрёк Восхт, – но он самый очевидный.

– Самый очевидный ответ редко бывает правильным, – заметил Лод. – Однако зачастую злоумышленники тоже это знают. И замечают следы, пользуясь этим.

– Изложи всё, что нам известно, – велел Алья, и Лод в ответ достал из воздуха дутое серебряное кольцо: то самое, что вчера я видела на запястье Фаника.

– Наёмники были осторожны. В воспоминаниях Фаникэйла... к счастью, большую часть своего заключения он провёл без сознания, и воспоминаний этих было немного... я не обнаружил ничего, что могло бы навести на заказчика, – начал он. – Браслет тоже не поможет. Он лишь служит доказательством, что на стороне заказчика исключительно сильный маг.

– Такое могущественное колдовство оставляет мощный след ойры. Всегда, – резко произнесла Навиния. – Его не замаскируешь обычными скрывающими чарами. При должном мастерстве...

– ...можно по ойре выйти на мага, который это колдовство сотворил. Да, я пробовал это сделать. Однако на браслет наложили Лейндармальский заговор.

Судя по всему, принцессе это ничего не говорило. Мне тоже, но я сообразила, что речь о каких-то чарах, маскирующих следы других чар.

Зато Восхт прекрасно всё понял – и недоверчиво расширил глаза:

– Лейндармаль? Но тогда этот маг должен обладать такой силой...

– Как наша милая принцесса. – Лод кивнул на Навинию. – По меньшей мере.

– Я? Если вы намекаете, что я...

– Вيني, ну при чём тут ты? – всплеснула руками Криста. – У Фрайндина как раз под рукой есть магичка, которая по силе наверняка превосходит даже тебя. Спасибо нашей белой ведьме, протасившей в Риджию эту рыжую... проблему.

– Всегда рада помочь, – буркнула я.

Нехороший прищур Навинии от меня не укрылся, и прищур этот сулил Мари большие проблемы. Ох, надеюсь, мне удастся настроить однокурсницу на мирный лад прежде, чем принцесса встретится с ней и решит проверить, кто тут кого превосходит...

– Далее. – Лод непреклонно вернул нас к теме разговора. – Правду о том, что внезапное исчезновение принца и его невесты не является предсвадебным путешествием, среди светлых знали только Фрайндин и Фаник. Принц, вы ведь никому не говорили?..

– Чтобы отец меня уничтожил? – уточнил Фаник. – За то, что не помог брату усмотреть за невестой, за то, что не доложил о погоне брата за этой невестой, и за то, что малодушно отпустил брата одного? Даже несмотря на чётко выраженное пожелание, чтобы я тихо сидел в своей любимой библиотеке, ибо в погоне буду только обузой?

– Видимо, нет.

– Это был не первый побег Кристи. Предположи я хоть на миг, чем всё обернётся, я пренебрёг бы всеми просьбами Дэна и сразу побежал к отцу. Но я не предположил. И прислушался к просьбам, и нашёл правдоподобное объяснение про предсвадебное путешествие, и солгал, что Восхту тоже потребовалось уехать, и ему было с Дэном по пути... – Уголок губ Фаника досадливо дрогнул. – Я и Вيني долго пытался убедить, что ничего страшного тут нет. Найдутся, помирятся, всё как обычно.

...и было бы, как обычно, если б Кристу не понесло в горы дроу. И тогда бы все вы сейчас здесь не сидели, как и я.

Одна маленькая деталька, с лёгкостью порушившая карточный домик.

– А свой отъезд вы в итоге объяснили...

– Тем, что заскучал без друзей и в преддверии Солирдага решил развлечься вместе с Вини. – Солирдаг... насколько помню из местных книг, день прощания с летом, один из главных риджийских праздников.

– Но дяде вы, как и Дэн, сказали правду?

– Да.

– Это ещё ничего не значит, – робко возразила Криста. – Да, наёмники явно следили за вами с Вини, как только вы выехали из Солэна, но весь наш двор знал...

– Но дядя знал, что происходит на самом деле. И, зная это, ничего не сказал отцу. А он один из тех, кому открыт доступ к моему маячку, и обещал, что будет регулярно его проверять, раз уж речь идёт не о безмятежном предсвадебном путешествии, – хмуро ответил Дэнимон. – Потому я и сказал ему правду. Рассчитывал, что в случае опасности дядя поднимет тревогу, и как только я пропал из виду... Если б дядя сразу пошёл к отцу, наши гвардейцы были бы в Тьядри в тот же день. Они нашли бы Фаника прежде, чем до него добрались наёмники, и прежде, чем Восхт и Вيني попались в вашу ловушку.

– А я нахожу ситуацию ещё более интересной. – Фаник задумчиво стучал кончиком указательного пальца по столешнице, благо стараниями Лода ногти у него успели отрасти заново. – Если наёмники увязались за мной и Вини столь стремительно, с ними связались заранее. Каким-то образом их наниматель понял, что вскоре мы отправимся в Тьядри. Из этого можно сделать неутешительный вывод, что он прекрасно знал нас. Всех нас. Он шпионил за Кристой, узнал, что она у дроу... или хотя бы то, что она пропала в их горах, но выводы сделать нетрудно... а дальше понял, что Дэн отправится её выручать – и тоже попадётся. Он знал, что Вини неожиданно покинула своё королевство, и понял, зачем она сделала это. Он понял даже то, что я поддамся на её уговоры. Из всех эльфов мне известны только двое, которые могли

предсказать всё это. – Он поднял взгляд, посмотрев на Эсфора. – Первый сейчас сидит за этим столом. Второй – тот, о ком мы говорим.

...я вдруг поняла, кого он мне напоминает. Даже внешне, но в первую очередь манерами, повадками, неизменной смешинкой в голосе и в глазах. Сашку – только повзрослевшего лет на пять-семь.

И не избалованного заботой разведённой матери, помноженной на возможность не пробираться сквозь тёмный лес образования самому, а уютно устроиться на моей шее.

– Доводы убедительные. – Лод тоже смотрел на мальчишку с одобрением: чувство, редко проявлявшееся в его взглядах на светлых. – Однако доказательств, что всё затеял именно тэлья Фрайдин, у нас нет. Это мог быть любой другой высокородный эльф, который хорошо вас изучил. И всё усложняет отсутствие мотива.

– Фрайну незачем так поступать, – проговорил Эсфор убеждённо. – Он всегда был лучшим из нас троих. И никогда не хотел править.

– Если бы хотел, убрал Хьовфина, а не его наследников. И он мог сделать это давным-давно, – кивнул Алья. – Но мы исходим из того, что злодеем двигала в первую очередь ненависть к нам, не стремление получить личную выгоду. Всё, что он сотворил сейчас и восемнадцать лет назад, он творил для того, чтобы спровоцировать светлых на новую войну.

– А брат мужа – один из тех, от кого Повелительница эльфов никак не ожидала отравленного ножа в спину, – негромко добавила Морти.

– Вы думаете, что резню восемнадцать лет назад и моё похищение организовал один и тот же эльф? – Фаник удивлённо вскинул брови. Интересно... Стало быть, он тоже считает, что резню кто-то «организовал». Впрочем, если и Восхт понимал, что в официальной версии светлых есть сомнительные пункты...

...я рассматривала несколько вариантов. Начиная с того, что несостоявшийся убийца Фаника и состоявшийся убийца его матери – действительно разные лица. Заканчивая тем, что не совпадают даже личности организатора и исполнителя того старого убийства. Последний вполне мог оказаться лишь марионеткой в руках сильных мира сего.

Но некоторые штрихи заставляли меня склоняться к определённым выводам.

– Мы можем ошибаться, – легко признал Лод. – вполне возможно, что вашу мать устранили по другим причинам. Личным причинам. Кажется, многие считали, что человеческая девушка – не самая подходящая партия для Повелителя эльфов.

Ого. Так Дэнимон и Фаник – полукровки?.. Хотя это объясняет необычную для эльфов масть.

– Эльфам чужды предрассудки, – отрезал Дэнимон. Фаник скептически хмыкнул, но его вряд ли услышал кто-то, кроме меня. – Мама была из знатного рода, троюродной сестрой матери Вيني. Все считали, что в ней возродилась прекрасная Льомдэлль, которую отец потерял в войне с...

– Многие были не в восторге от выбора брата, – устало бросил Эсфор, оборвав жаркую речь племянника на полуслове, и я поставила мысленную галочку «не забыть узнать, что за прекрасная Льомдэлль». – Да, после войны никто не смеет открыто показывать пренебрежительное отношение к людям. Иначе заклеят последователем Тэйранта. Но в высших кругах это пренебрежение всегда было и, боюсь, ещё долго будет.

Не выдержав, я кашлянула, и собравшиеся за столом светлейшие особы посмотрели на меня.

– Мне кажется, тут виден один и тот же почерк, – справившись с мгновенной робостью, заговорила я: от концентрации сиятельного внимания становилось слегка не по себе. – Убирают кого-то из семьи Повелителя, когда светлые и тёмные близки к примирению, и при этом подставляют дроу. Вряд ли это простое совпадение. Кто-то не хочет, чтобы вы примирились... но личный мотив тоже имеет право на существование. Заметим, никто не покушался ни на

самого Повелителя, ни на его братьев, однако удар наносили так, чтобы у Хьовфина появилось ещё больше причин возненавидеть тёмных. В первом случае по его жене, во втором – по детям, которые внешне пошли в мать. – Я взглянула на Эсфориэля. – Как Фрайндин относился к жене брата?

– Фрайн ко всем относился тепло. С самого детства. Я говорил: он лучший из нас троих. – Эльф смотрел на моё лицо, но создавалось впечатление, что видит он нечто совсем иное. – Когда война закончилась, ему было всего одиннадцать. Мы с Фином вернулись домой, наши родители – нет. Фин занял место отца, и на его плечи легла задача возродить из пепла наше королевство. Я отдалился от всего и всех, коротая дни наедине со своей печалью. Но Фрайн был лишь ребёнком, который неожиданно остался один. Он потерял родителей, а братьям было не до него. Лишь много позже я с содроганием понял, как легко он мог озлобиться на весь мир, однако он остался тем же светлым мальчиком, что до войны кидался мне на шею во время моих редких визитов домой. – Эсфор моргнул, и взгляд его сделался более осмысленным. – Да, он не любил дроу. Но людей он всегда считал равными эльфам – один из немногих. Когда Фин объявил, что избрал будущей Повелительницей человеческую деву, мы с Фрайном первыми поддержали его.

...прямо-таки портрет ангела во плоти. Которых не существует.

И пусть рядом со мной живой пример в лице Морти, я не могу поверить даже в её искренность.

– Но он не любил дроу, – цепко повторил Алья.

– Он не знал их так, как я. Когда-то они разрушили всю его жизнь. Жизнь его семьи и его народа. Конечно, у него были причины их не любить.

– Значит, у него были и причины не желать примирения с ними.

– Были. Но не ценой жизни племянников. Не ценой жизни их матери. Дэн и Фаник... мы с Фрайном всегда любили их, как собственных сыновей. Порой мне казалось, что мы куда ближе к ним, чем сам Фин. В своей одержимости будущей войной он нечасто находил время на детей.

Я покосилась на Дэнимона, но тот ничего не сказал: видимо, тут даже любящему сыну нечего было возразить.

– Да, многое указывает на Фрайна. Но я готов поклясться, что это не он. Я знаю своего брата. Я верю в него.

Решимостью Эсфора можно было резать алмазы. Он говорил это так же твёрдо, как когда-то уверял свою возлюбленную принцессу, что сердце её брата исполнено добра... брата, который потом развязал войну, уничтожившую их всех. Так тебе легче, тэлья Эсфориэль? Безоговорочно верить в тех, кого любишь, – даже несмотря на то, что твоя долгая жизнь уже смеялась над тобой, растапывая эту веру? Ты предпочтёшь снова пережить боль предательства, снова выдернуть нож из спины, но не оскорбить любимых недоверием? Как прекрасно, как глупо...

И ведь мне, похоже, придётся брать с тебя пример.

– В нашем мире говорят, что яд – оружие женщин, – осторожно сказала я. – Настоящий злодей мог лишь прикрыться тем, что в первую очередь все ниточки приведут к Фрайндину. И это вполне мог быть не злодей, а злодейка. Думаю, многие эльфийки мечтали занять место рядом с Повелителем, и кто-то из них мог быть очень зол, что в итоге оно им не досталось.

– О мамином месте мечтали многие, – признал Фаник. – Включая половину её фрейлин. Но из них я не назову ни одной достаточно умной, чтобы провернуть подобное.

– И на такой случай у нас есть ещё одна зацепка. – Положив браслет на столешницу, Лод призвал в руку знакомую грифельную табличку. – Ночью я вышел на того, кто писал послания наёмникам. След ойры тщательно замаскировали, однако я сумел его распутать. Двусторонние артефакты всегда делают тебя уязвимым... След привёл меня в Мирстоф.

– Что?!

Навиния выдохнула это так возмущённо, будто «старшак» нанёс ей глубокое личное оскорбление, посмеив угнездиться в её столице.

– Я знаю, кто руководил наёмниками. Я знаю, где он. Если он расскажет нам всё, что знает, уверен, мы приблизимся к разгадке. Однако, – Лод посмотрел на Алью, – прежде предлагаю всё же навеститься к тэлье Фрайндину. Если ниточки ведут к нему не просто так, на этом наши поиски оканчиваются. Если наши подозрения беспочвенны – нам было бы очень полезно заручиться поддержкой ещё одного брата Повелителя эльфов.

...а Фрайндин, в свою очередь, сумеет вразумить Мари, потому что у меня такие вещи выходят не слишком хорошо. Если, конечно, он и правда невиновен.

– А если тот, кто стоял за похищением Фаника, и убийца Повелительницы – не одно и то же лицо? – задумчиво спросил Восхт.

– У меня тот же вопрос, – поддакнул Фаник. – Думаю, отца больше обрадовала бы поимка убийцы любимой жены, чем неудавшегося убийцы нелюбимого сына.

Лод слегка пожал плечами:

– Да, в нашей версии много допущений. Но даже если так... Когда мы отдадим Хьовфину того, кто покушался на принца, он поймёт: среди светлых есть те, кто желает его семье зла. И, думаю, после этого Повелитель сам отыщет того, кто отнял у него жену.

– Поддерживаю, – сказала я. – Главное – заставить светлых понять то же, что поняли вы. Когда ваш отец увидит, что его сыновья невинны, когда люди осознают, что их Повелительница жива... когда они поймут, что всё не так, как им казалось...

– Они наконец снова захотят нас слушать, – закончила Морти. – И мы предложим им мир.

Алья молчал, обдумывая предложение Лода, и по лицам собравшихся я видела: последнего слова все ждут именно от него.

Быть может, Повелитель дроу не был самой сильной фигурой за этим столом, – но он оказался тем самым королём на доске для скаука, под чьим знаменем мы в итоге сражались.

– Если мы поможем вам... повидаться с дядей, – произнёс Дэнимон негромко, – вы надеетесь на него ошейник? Чтобы он сказал правду?

– Мы не будем злоупотреблять вашим доверием лишь для того, чтобы заполучить ещё одного заложника, – успокоил его Лод. – Ошейник – крайняя мера. Для начала попробуем мирно побеседовать. Было бы неразумно с ходу настроить Фрайндина против нас столь... неучтивым обращением.

– Хорошо, – серьёзно кивнул принц. – Я не хочу, чтобы он пострадал.

– Если он ни при чём, никто этого не хочет. – Даже с табурета Алья поднялся так, словно под ним был трон. – Ладно. Беритесь за Фрайндина.

Король сказал своё слово. И хотя никто не кивнул в знак согласия, стало ясно: решение принято.

– В таком случае обсудим план, – резюмировал Лод. – Эсфориэль, принц Дэнимон, принц Фаникэйл – останьтесь. Остальным более докучать не смею.

Намёк, к моему удивлению, поняли все. Трое пленников, которых теперь даже как-то неудобно было так называть, направились к двери в свои покои, Морти с братом – к лестнице из башни, а я – к ступенькам, уводившим наверх. И хотя меня несколько раздосадовало, что к моим услугам при обсуждении плана прибегать не собирались, но я знала: Лод обратится ко мне за помощью, если она понадобится. А его сольные планы до сего дня не подводили.

Не обращая внимания на одеяло, подозрительно шевелившееся на моей постели, я прошла в библиотеку. В призрачном свете волшебных цветов отыскала на полке книгу, на корешке которой подписали «Сокрытие чар»; прислонившись спиной к шкафу, пролистала потрепанный том. Ожидаемо отыскала там Лейндармальский заговор – и, убедившись, что он действительно позволяет магу скрыть путеводные следы своих чар от других магов, вернула потрепанный том на место.

Позже я определённо к нему вернусь, чтобы изучить от корки до корки. Но пока меня ждали «Ловушки», которые давно следовало добить, чем я и занялась.

Я всегда восхищалась красотой чисел и формул, как и красотой кода. И по мере того как я разбиралась в магических формулах... О, они были не менее прекрасны, чем математические, и не менее изящны, чем элегантно написанные проги. Особенно те заветы, до которых я добралась сейчас: невероятно сложные в своей гениальной простоте, сверкающие, как бриллианты, незамутнённые и чистые, как родниковая вода. Их не творил человек – они жили собственной жизнью задолго до него, и оставалось лишь придать им форму так же, как скульптор придаёт форму куску мрамора, чтобы высвободить дремлющую в нём жизнь. Наверное, так музыканты восхищаются гениальными симфониями, а художники полотнами да Винчи... Хотя последнего я никогда не понимала: и с чего все с ума сходят от обычной женской улыбки? То ли дело формулы.

Когда вошёл Лод, я сидела в кресле и разбиралась в одной из последних рунных цепочек, изящной и многослойной, как нервная система. Ловушка Брёлайве, вызывавшая у жертв приступ безумия, заставляя поверить, что на тебя напал твой злейший враг, – но каждый удар, который в своих фантазиях ты наносил призрачному недругу, в реальности доставался тебе самому.

– Всё учишься? – Колдун встал рядом, вглядываясь в книгу.

– В этом мире у меня мало других занятий. Как план?

– Осталось лишь подгадать правильный момент. Думаю, он наступит завтра.

– Мне с вами можно?

Он слегка усмехнулся:

– Тебе – всегда и везде.

– Даже так? А как насчёт мест, в которые мне идти слишком рискованно? Я же не могу за себя постоять.

– Зато я могу. И сумею позаботиться о том, чтобы ты была в безопасности.

Это не было ни бахвальством, ни даже обещанием: простая констатация факта, как и многое из того, что он говорил. Одна из черт, которые мне в нём так нравились.

– Хорошо, что эмер Айкатт не таит на тебя зла, – вырвалось у меня. – За Артэйза.

– А, так вы всё-таки видели совет.

– Да, и... вы с Альей казнили Артэйза из-за меня, а меньше всего я хотела...

– Ты тут ни при чём. – Он не успокаивал меня, просто излагал положение дел. – Артэйз нарушил закон и запятнал честь своего дома. Честь для дроу имеет огромное значение. Все понимают решение, которое принял Алья, и уважают выбор, который сделал эмер Айкатт.

– Кроме Лундвинэла, видимо.

– Он тоже понимает, что Артэйз сам вырыл себе могилу. И не таит злобы ни на отца, ни на своего Повелителя.

– А на тебя?

Лод помолчал. И ещё помолчал, выдерживая странную, удивившую меня паузу.

Но всё-таки ответил.

– После того как я убил его младшего брата... да. – Лод пожал плечами. – У будущего супруга Морти определённо осталось ещё меньше причин меня любить.

* * *

Повелитель дроу вошёл в комнату пленных без стука, лёгкой неслышной походкой, и светлые не сразу заметили его появление.

Алья обвёл взором кровать, где принцы о чём-то переговаривались с Восхтом, и камин, у которого сидела Криста; когда та увидела дроу и испуганно выдохнула, тот уже непреклонно,

без оглядки двинулся к окну, подле которого восседала Навиния. Принцесса вяло наблюдала за бегавшим по столешнице папеем, и её не насторожила даже внезапно повисшая в комнате тишина. Она повернулась к двери, лишь когда тень Повелителя дроу упала на стол, и медленно подняла глаза, встречая его взгляд.

На пару секунд в комнате застыли все и всё, кроме папья, настороженно шевелившего усами.

Следом Алья поклонился, изящно и низко изогнув стан.

– Принцесса, я прошу у вас прощения за своё... неподобающее поведение ранее, – произнёс он ещё прежде, чем выпрямиться: мягко, но без всякого заискивания. – Чтобы сгладить то напряжение, что возникло между нами, вы отобедаете со мной.

– Я? С вами? – тонкие ноздри Навинии дрогнули. – После того, что вы сделали, вы ещё смеете...

Она вдруг замолчала – и, подчиняясь движению руки Алья, покорно поднялась на ноги.

– Это было не приглашение, а приказ, – уточнил Повелитель дроу, галантно подхватывая принцессу под руку.

– Если она не хочет никуда идти, – гневно выпрямился Дэнимон, – ты не...

Он осёкся, получив тычок под рёбра от брата, а также неожиданно неодобрительный взгляд Навинии, повернувшей голову в сторону бывшего жениха. Судя по этому движению, на ментальном поводке её уже никто не держал.

– Возражения исчерпаны? – осведомился Алья прохладно. – Чудно.

Он чинно повёл принцессу к двери, оставляя светлых смотреть им вслед: Кристу – с сочувствием, Восхта – с опаской, Дэнимона – с непониманием и Фаника – со странной насмешкой в коричневых глазах.

– Я решил, что лишние церемонии ни к чему, – изрёк Алья, пока они с Навинией спускались по винтовой лестнице, – а потому обедать будем в моей башне.

Принцесса ничем не показала, что услышала его, и дальше оба шли безмолвно, глядя мрамор мягкими туфлями, безупречно попадая в ритм шагов друг друга.

В тёмно-фиолетовых покоях башни Повелителя ждал накрытый овальный стол; отражения свечей светлячками мерцали в серебре приборов. Любезно отодвинув перед принцессой кресло, Алья дождался, пока та опустится на бархатное сидение, и прошёл к другому концу стола, чтобы занять место напротив.

– Какое ауменье⁵ предпочитаете? Фиалковое, розовое, липовое?

Навиния хранила молчание, глядя на свою тарелку, накрытую серебряным колпаком.

– Думаю, розовое придётся вам по вкусу, – заключил дроу. – Йон, ты слышал.

Иллюранди вынырнул из теней с откупоренной бутылью спустя несколько секунд – брат-близнец Акке, только волосы чуть короче. Ловко, не пролив ни капли, слуга Повелителя наполнил бокал принцессы; снял с тарелки колпак, под которым обнаружилась золотистая рассыпчатая крупа и запечённая с травами птичья ножка; мгновенно переместившись к Алье, повторил предыдущие действия и исчез так же быстро, как появился.

– Ешьте, – сказал дроу, когда они с Навинией вновь остались одни.

Та подняла глаза, пристально глядя на хозяина башни, и не думая притрагиваться к приборам.

– Не заставляйте меня принуждать вас даже к таким простым вещам, – Алья проговорил это почти ласково. – Чем моя трапеза хуже той, что ждала бы вас в комнатушке, которую вы вынуждены делить со своими друзьями?

Опустив голову, принцесса коснулась костяной рукояти трезубой вилки, и Повелитель дроу удовлетворённо взялся за нож.

⁵ Некрепкий спиртной напиток на основе цветов (*ридж*).

– Думаю, вам будет любопытно услышать, – отрезая кусок мяса, заметил он невзначай, – что ваш Совет, стоило ему узнать о вашем пленении, обратился к Первому Советнику... бывшему, конечно, – тому, которому вы в своё время устроили отставку... с просьбой взять на себя управление страной в это тяжёлое и горестное время. И тот, недолго думая, согласился.

Навиния ела неторопливо и аккуратно, уставившись в тарелку, ничем не проявляя, что слышит сотрапезника – и что он в принципе существует.

– Первый Советник целиком и полностью одобрил решение, принятое за вашей спиной ещё несколько месяцев назад: в грядущей войне предоставить эльфам всевозможную помощь. Войска – в первую очередь. Людей ведь теперь всё это касается не меньше, чем Детей Солнца. – Алья отправил в рот порцию крупы и тщательно прожевал, прежде чем заговорить дальше. – Армию поведёт лично Хьовфин, и людей отдадут под его командование. Конечно, у них будут свои военачальники, но главнокомандующим назначен Повелитель эльфов. Подозреваю, что ваш народ пойдёт в авангарде – на убой. Обезвреживать собой наши ловушки, чтобы эльфы могли пройти следом, по их телам. Жертвуют обычно наименее ценным материалом, а людей куда больше эльфов, несмотря на все старания Тэйранта, приложенные в своё время. – Отложив вилку, дроу сомкнул пепельные пальцы на своём бокале. – Вы ведь, не в обиду будет сказано, плодитесь, как кролики.

Принцесса молчала, и эмоции её выдавало лишь то, как упорно она продолжала пилить уже давно разрезанный кусок.

– Конечно, сразу коронацию вашему преемнику, которого подыскал Совет, не устроят. – Откинувшись на спинку кресла, Алья покачал бокал в ладони, так, что ауменье достало почти до кромки; оно отливало земляникой, тонкие всплески напоминали прозрачные розовые лепестки. – Наверное, сперва дождутся конца этой «войны», как они её называют. Я склонен именовать то, что они собираются сделать, бойней. И наверняка ваши советники предполагают, что вы либо уже мертвы, либо скоро умрёте... либо погибнете, когда светлые будут штурмовать наши города. Совершенно случайно, конечно же. – Дроу поднял бокал на уровень глаз, насмешливо салютуя принцессе. – Должен вас поздравить: требовалось приложить массу усилий, чтобы советники признали – вас проще убрать, чем усмирить. Достоин уважения. Полагаю, сейчас ваш Совет дружно благодарит богов за наше своевременное вмешательство.

Выпавшая из руки Навинии вилка ударилась о тарелку с глухим звяканьем.

– Вы говорите о моих советниках так, будто чем-то лучше их. А вы... вы ещё хуже. – Она наконец вскинула голову, без страха встретив взгляд дроу; голос её леденило презрение. – Все мужчины одинаковы. Все вы не воспринимаете нас всерьёз. Мы для вас любимые постельные игрушки, утробы для ваших детей, но не более. Даже если вы подчиняетесь нам, то лишь формально: не потому, что уважаете, а потому, что так надо. И даже подчиняясь, на деле пытаетесь нами управлять.

– Я лучше ваших советников хотя бы потому, что мне дорог каждый мой подданный. Каждый. То, что иногда мне приходится осуждать кого-то из них на смерть, этого не отменяет. – Алья облокотился на ручку кресла, подперев голову свободной ладонью; не сводя глаз с лица принцессы, пригубил сладкий цветочный напиток. – Позвольте угадать... Вы считаете, что мужчины и женщины абсолютно равны, и то, что в мире властвуют мужчины, а женщин допускают к правлению лишь в исключительных случаях, ужасно несправедливо.

– Вы ничем не лучше нас. Как правило, вы сильнее, но ум не имеет никакого отношения к силе. – Губы принцессы изогнулись в пренебрежительной улыбке. – И страсти затмевают вам разум куда успешнее, чем нам.

– Многие мужчины не в силах устоять перед женскими чарами, не спорю. Но я знавал и не одну девушку, для которой желания перевешивали все доводы разума.

Ответная улыбка Алья граничила с усмешкой, и Навиния всё же опустила глаза.

– Вы мыслите так же узко, как все мужчины, которых я знала, – предпочла сменить тему она. – К примеру, меня вы, как и Совет, считаете никудышной правительницей.

– Откровенно говоря, да, – легко согласился Алья. – Но не потому, что вы женщина, а потому, что вы объективно отвратительно управляли страной. Будь на вашем месте мужчина, я сказал бы ровно то же про него. Впрочем, я читал о великом множестве дрянных правителей, и вы далеко не худший пример. Вы хотя бы искренне желали блага для своего народа: эта милость, визиты в лечебницы, борьба с разбойниками... прекрасные устремления. – подобная похвала из его уст почему-то не звучала похвалой. – Вы делали лучшее, на что способны, и не ваша вина, что вы не способны на большее. В конце концов, грешно было бы забивать столь очаровательную головку скучными политическими соображениями.

Последнее он произнёс без насмешки, без укоризны, абсолютно серьёзно.

– Так вы считаете, что я глупа.

– Необязательно быть глупым, чтобы не годиться в правители. Без Лода мне бы тоже пришлось тяжело. – Алья сделал ещё один маленький глоток. – Я признаю, что женщины могут соперничать с мужчинами очень во многом, если не во всём. Моя сестра, помимо того, что она бесконечно лучше, чище и добрее меня, владеет мечом несравненно искуснее. Та девочка, что помогла нам пленить Дэнимона, столь же умна, как Лод, а его ум не сравнить с моим. Но хороший правитель – не тот, кто хорош во всём, а тот, кому хватает мудрости понять, что он не в силах в одиночку разобраться со всем; и, разглядев тех, кто сможет помочь ему наилучшим образом, поставить их на нужные места, пусть даже вопреки правилам и предрассудкам. Самодурство ни к чему хорошему не приводит, ведь нужно думать не только о настоящем, но и о будущем. Все мы смертны рано или поздно, а если всё держится на одном элементе, пусть даже исправно работая... что будет, когда этот элемент исчезнет? – Повелитель дроу рассеянно махнул рукой. – Мы с вами чем-то похожи. Волей богов нам пришлось сесть на престол, и сделать это очень рано. Но вы так и не признали, что нуждаетесь в помощи кого-то, кто мудрее и взрослее вас, и в том ваша главная ошибка. Вы решили всё взвалить на себя, и на себя одну, и тут редкий мужчина выдержал бы. Не говоря уж о юной девушке, одарённой многими талантами, но не теми, что идеальны для Повелителя.

– Мы с вами... – Навиния гневно тряхнула головой, и волосы её всплеснулись тёмной волной. – Да что вы обо мне знаете?!

– Многое. Вы даже не подозреваете, насколько. – Дроу смотрел на принцессу поверх кромки бокала; в полумраке золотые глаза его казались матово-бархатистыми. – Хотите, расскажу?

– Извольте. Хоть посмеюсь.

– Что ж, – Алья лениво опустил веки, – не буду пересказывать скучные факты, о которых я осведомлён прекрасно. Думаю, вам любопытнее будет услышать иное. Видите ли, я всегда считал, что лучший способ убедительно обмануть – сказать правду, приправив её толикой лжи. И то, что вы говорили Лоду про «сладких придворных мальчиков», когда пытались соблазнить его... вот вам, к слову, пример мужчины, который в любой ситуации думает верхней головой... заставило меня сделать некоторые выводы. Позже они подтвердились теми вашими беседами с друзьями, что я слышал, и вашей реакцией на меня.

– Ну да, вам ведь есть с чем сравнить мою реакцию, – Навиния заметила это со странной бесстрастностью. – Это доставляет вам удовольствие, вспоминать всех, кого вы мучили? Их крики и мольбы?

Алья не вздрогнул. Даже глаз не открыл. Лишь голос стал чуть глуше, когда он ответил:

– Нет. Что угодно, но не удовольствие. И потому я стараюсь о них не вспоминать. – Когда Повелитель дроу всё же посмотрел на принцессу, взгляд его огладил её лицо невидимыми цепкими пальцами. – Но все боялись меня... кроме вас. В вас не было страха. Ни капли. Ни разу при взгляде на меня.

Ему не удалось скрыть уважения, скользнувшего в этих словах, и собеседница улыбнулась ему в ответ с лёгким снисхождением:

– Я – Повелительница Навиния из рода Сигюр. Я одолела шайку Кровавого Роба, стувившую сотни невинных жизней, и Жестокого Эйна, который убил на своём алтаре две дюжины детей. Поверьте, вы – далеко не самое страшное, что я видела в жизни.

– Я никогда не сомневался, что многое в этом мире куда страшнее меня. И никогда не стремился пугать... больше, чем нужно, по крайней мере. Страх – хороший рычаг управления, но, когда твой трон держится лишь на нём, в какой-то миг он начнёт шататься. Страх, уважение и любовь – они должны идти рука об руку.

– И поэтому вы пощадили меня, в отличие от остальных? Потому что я вас не боялась?

Принцесса сказала это всё с той же улыбкой, так небрежно, будто все эти дни не искала подсказки в его лице. И не мучилась вопросом, почему наследник Тэйранта, тёмная тварь, безжалостная и бездушная, в последний момент отпрянула от неё и ушла – не воспользовавшись абсолютной властью над ней, не отомстив всему её народу и виду, не свершив возмездие за сестру, которое и многие светлые сочли бы вполне справедливым.

Даже сама Навиния.

– Поэтому тоже. Но в первую очередь потому, что в последнее время слишком многое напоминает мне: я вплотную подошёл к черте, из-за которой не будет возврата. За которой я действительно превращусь в наследника Тэйранта – как вы тогда и сказали. А подле меня были и есть те, ради кого я не должен её переступить. И когда Лод делает всё, чтобы выстроить заново сожжённые между нашими народами мосты... я был бы убудком, если бы перечеркнул все его усилия, сотворив с вами то, чего вы никогда нам не простите. – Алья смотрел перед собой, не замечая, как в зелени глаз Навинии плеснулось изумление его неожиданной откровенности. Повелитель дроу исповедовался не столько ей, сколько себе. – Я никогда больше не причиню вам боль. Ни вам, ни другим, таким же, как вы. Я почти заплатил за то, что делал, и расплата моя была бы страшной. Я никогда не понимал, что мои гвардейцы... для них я не просто правитель, не просто тот, кого они должны защищать. Их оторвали от дома слишком рано, и я должен был заменить им отца и братьев. Я был их объектом восхищения, примером для подражания. Так бывало с гвардией Повелителя обычно. А я так долго не мог этого понять, потому что сам был мальчишкой... и подал им пример, который оказался ужасен. И мало того, что потерял себя – чуть не потерял одного из тех, ради кого сам отдал бы жизнь.

Когда он вновь взглянул на принцессу, взор его уже утратил странную, непривычную, какую-то растерянную мягкость.

– Повелительница Навиния из рода Сигюр, – повторил Алья затем, точно стараясь распробовать каждое слово на вкус. – Да, это то, что вы есть. И в том ваша беда.

– Моя беда?... – улыбка не сошла с губ Навинии, лишь ощутимо выщела.

– Всю жизнь вам подчинялись. Не потому, что считали ваши приказы, ваши желания верными, а потому, что вы были той, кому надо подчиняться. И вы позволяли себе всё больше и больше в надежде, что рано или поздно найдётся тот, кто сумеет сказать вам «нет». – Алья смочил губы ауменье. – С детства вас ненавязчиво пытались отеснить от престола, по праву принадлежавшего вам. Для вашего же блага. Власть, да тем более в такое нелёгкое время, – бремя, которое делает с людьми страшные вещи, и опекавший вас Советник прекрасно видел, что вы для него непригодны. Он хотел, чтобы вы прожили счастливую жизнь, занимаясь лишь тем, в чём вы действительно преуспеете и что вам действительно по сердцу. Но вы видели в этом козни и интриги и вбили себе в голову, что во имя светлой памяти родителей обязаны править самостоятельно. Объясняли снисхождение окружающих лишь тем, что вы не родились мальчиком, и в какой-то момент поняли, что можете обратить свой недостаток в оружие. – Речь Повелителя дроу была размеренной и совершенно отстранённой. – Постель для вас была не столько удовольствием, сколько средством достижения цели. Согласен: при должном умении

это хороший способ управлять мужчинами. Вы пользовались любовниками для своих нужд, в глубине души презирая за то, что они играют по вашим правилам. А когда острая надобность в их услугах отпала, вы принялись придумывать им новые правила, поднимать планку, испытывать их гордость... и постоянно искали что-то, чего никак не могли найти. Поэтому вы ухватились за Дэнимона, ведь он был первым, кто посмел взбунтоваться. Пусть не открыто осечь вас, а просто сбежать – воистину мужской поступок, ничего не скажешь, – но для вас то было проявлением похвального своеволия. Бедный мальчик так и не осознал, что побегом лишь разжёт ваш интерес... его брат, похоже, понимает вас куда лучше. А сами вы мните себя такой взрослой, такой мудрой, но вам всего девятнадцать, и в глубине души вы несчастная романтическая девочка, живущая в сказке, которую вы сами себе придумали. Про злобного интригана Советника, про бедную венценосную сиротку, выросшую в храбрую воительницу, защитницу слабых и убогих... и про прекрасного принца, который никак не может прийти и спасти её от всех, кто её окружает, но с кем она чувствует себя в ловушке.

Алья смолк. По взгляду его видно было, что он ждёт ответа, однако Навиния не торопилась этим воспользоваться. И больше не улыбалась.

Она взяла в руки бокал, всё это время ждавший своего часа, и кошачьи глаза дроу проследили, как хрусталь касается девичьих губ, отчего-то пересохших.

– Как я и думала. – Сделав пару глотков, Навиния вернула бокал на парчовую скатерть. Аккуратно промокнула рот шёлковой салфеткой. – Ничего вы обо мне не знаете. – Уронив салфетку обратно на стол, она с достоинством встала. – Я насытилась. Не будете ли так добры сопроводить меня обратно?

Алья безмолвно поднялся на ноги и, вновь подхватив девушку под руку, повлёк её к лестнице. Сопротивления он не встретил.

Обратно они тоже шли в молчании, не глядя друг на друга. Глаза обоих туманила непроницаемая пелена сумрачных дум.

– Дальше я сама, – бросила Навиния, когда Алья открыл дверь в башню колдуна.

– Как пожелаете, – равнодушно ответил тот. – Я всё равно узнаю, если вы не дойдёте до своих покоев.

Фыркнув, она встала на первую ступеньку – и остановилась, замерев в полутьме витого лестничного колодца.

– В одном Дэнимон был прав. Когда я вернусь в своё королевство... если вернусь... я найду тех, кто сделал это с вашей сестрой, – проговорила Навиния, не оборачиваясь. Слова заметались между гулкими стенами, чтобы эхом осыпаться на принцессу людей и Повелителя дроу за её спиной. – Я боролась с монстрами всю свою жизнь. Я не позволю, чтобы монстры жили среди моего народа. Ни один ребёнок, дроу он или нет, не должен пережить то, на что её обрекли.

– Она и не пережила, – произнёс Алья мягко. Когда Навиния, вздрогнув, оглянулась через плечо, отступил на шаг – и отвесил церемонный поклон. – Благодарю, принцесса. До скорой встречи.

Когда Алья закрыл дверь, оставляя девушку наедине с окружающим сумраком, та ещё пару мгновений смотрела на чёрное дерево. Потом поднялась вверх на две ступеньки – и опустилась на третью так резко, будто ей в один миг отказали ноги.

Она долго сидела, прикрыв лицо ладонями, зарыв кончики пальцев в волосы, и компанию ей составляла лишь не нарушаемая ничем тишина. По прошествии нескольких тягучих минут медленно опустила руки, чтобы сказать пустоте, завершая долгий диспут с кем-то невидимым:

– Всё равно он тот ещё сигсонур.

И стёрла призраком улыбки, мелькнувшей на губах от мыслей о чём-то, чему определённо стоило остаться в этом сумраке.

* * *

Лод смотрел на меня, а я смотрела на него – во все глаза, вспоминая, как в школе мне периодически напоминали, что у меня их четыре.

...так *вот* почему Морти защищала Артэйза. Принцессе действительно уготована блестящая партия в виде дроу из славного древнего дома; только вот я не ожидала, что личность этого дроу уже всем известна.

– И... как давно?..

– Морти и Лу обручены с семи лет. – Лод присел на ручку кресла. Голос его был спокойным. – Эта помолвка оказалась последним, что успел сделать покойный Повелитель дроу, прежде чем отбыл на переговоры со светлыми.

– Так давно? Но почему тогда они до сих пор не...

– Дроу редко вступают в брак раньше тридцати. Как мужчины, так и девушки. На Детей Луны не дают ограничения короткой человеческой жизни, а дроу, как я уже говорил, ценят опытных женщин. Мать Альи вышла замуж, когда ей было всего девятнадцать, но они с Повелителем искренне любили друг друга и не видели смысла ждать. К тому же королевство нуждалось в наследнике.

– А в случае Морти торопиться некуда, и о любви, как я понимаю, речь не идёт.

– По крайней мере, с одной стороны. Насколько могу судить, для Лу это не только расчёт. ...поразительно, как невозмутимо он рассуждает о будущем браке любимой женщины.

– И почему именно Лу?

– А почему нет? Дом Рауфгата – славный и древний род. К тому же покойный Повелитель был очень дружен с главой дома, дядей Лу и Артэйза. Он хотел, чтобы Бллойвуги и Рауфгата породнились.

Ах да, Морти же говорила, что Артэйз потерял в резне любимого дядю. Видимо, того самого.

– Эмер Айкатт стал во главе дома, когда его старший брат погиб на переговорах, – продолжил Лод, отвечая на не заданный мною вопрос. – Тот любил Айкатта всем сердцем, и его детей – как собственных. Сам он когда-то разорвал помолвку со своей суженой, другую заключать не торопился, а потому считал Лу своим будущим наследником. Вот и решил обручить Морти именно с ним.

– Как интересно. А почему он разорвал помолвку?

– Понял, что его невесте больше по сердцу его друг. И что её чувства взаимны. А поскольку он искренне любил обоих, то решил не мешать их счастью.

Внезапная догадка заставила меня подозрительно сощуриться:

– А этим другом, случайно, не был отец Альи и Морти?..

Лод в ответ только кивнул.

– И поэтому Повелитель хотел, чтобы его дочь стала частью дома Рауфгата? Потому что испытывал чувство вины?

Ещё один кивок.

– А Алья не разрывает помолвку, потому что уважает, можно сказать, последнюю волю отца?

– И матери. Когда Повелительница лежала на смертном одре, Лу поклялся, что будет беречь её дочь больше, чем себя самого. Ему тогда только исполнилось десять, но он всегда был серьёзным молодым человеком, – Лод сказал это без всякой насмешки. – Последнее, что Морти слышала от своей матери, – что с Лу та спокойна хотя бы за её будущее.

...как же часто родители ломают наши жизни. Даже самые любящие. Чем больше они любят нас, чем больше мы любим их – тем больше давит на нас груз обязательств, желания

соответствовать ожиданиям и чувства вины, если не соответствуешь; тем больше ты превращаешь в нерушимую заповедь последнее, что родитель успел сказать или сделать, прежде чем бросить тебя навсегда...

– Значит, когда-нибудь Морти выйдет замуж за Лу... а ты останешься её хальдсом?

– Если мы все доживём до этого момента, – безыскусно проговорил Лод. – Я знал, на что иду. Мы все знали. И мы не первые, кто будет жить так. Мужем её мне в любом случае стать было не суждено: то, что Алья сделал меня Первым Советником – уже нонсенс, с которым друу смирились, признавая мои дарования. Но выдать за меня принцессу – за человека, своего вассала... почти то же, как если бы Навиния обручилась с конюхом.

И снова в словах – ни досады, ни печали, ни горечи.

Пожалуй, иногда я понимала, почему Лу сомневался в наличии у него сердца.

– При её взбалмошности, пожалуй, могла бы, – пробормотала я, решаясь на вопрос, который терзал меня уже давно. – А Алья... всё-таки... Навинию...

Я всё-таки запнулась, и под внимательным взглядом Лода меня потянуло пригладить чёлку.

– Просто... они как-то странно смотрят друг на друга после этого, и я... мне кажется, что они друг другу *нравятся*, но я не понимаю...

– Нет. – Лод отстранённо сжал двумя пальцами воротник своей рубашки. – Алья не смог этого сделать. Не с ней.

Я сдержала облегчённый выдох в горле.

...что ни говори, надеяться, что ты не служишь венценосному садисту – одно, а получить подтверждение этого – другое.

– И что, они правда...

– Правда. Потому что Навинии нужен тот, кто возьмёт над ней верх, тот, кто не станет под неё подстилаться. А Алье нужна та, кто сможет быть с ним на равных, та, кто примет его таким, какой он есть. Его худшие стороны Навинии известны, и всё же они её не отпугнули. В сравнении с омерзительным чудовищем, которого она воображала, когда представляла наследника Тэйранта... реальный Алья, даже со всеми своими демонами, просто обречён был приятно её поразить, – голос Лода звучал иронично. – Он достаточно силён, чтобы иметь над ней власть – даже без ошейника. Что бы она ни говорила, ей это нравится. Она достаточно сильна, чтобы не бояться его тьмы и не смотреть на него снизу вверх, как придворные дамы. И ему, в свою очередь, это нравится. Когда принимают даже твоего дракона... это высшая степень близости.

– Поэтому ты тогда не стал препятствовать ему? – тихо спросила я, когда Лод замолчал, задумавшись. Тоже запоздало заметил в собственных словах резонанс с нашей историей?.. – Потому что знал, что он не сделает этого?

– Предполагал. И надеялся. А если бы всё-таки сделал... мне пришлось бы признать: возможно, я зря пытаюсь убедить светлых, что мы не такие, какими они нас считают. – Он выдержал длинную паузу, и я прекрасно понимала причины как её длины, так и её тяжести. – Если ты проголодалась, можем пообедать вместе.

...да, моё дорогое отражение из зазеркалья. Всё-таки ты ничего и никогда не делаешь просто так.

– С удовольствием.

Вызвав Акке, Лод принялся отдавать ему распоряжения насчёт обеда, – а я, мысленно вернувшись к началу разговора, невидящим взглядом уставилась на рунные цепочки.

...не знаю, почему Морти так любезна со мной. Даже узнав всё, что я теперь знаю, я не могу верить ей. Но я поверю тебе, Лод. Хотя бы потому, что у меня слишком мало точек опоры, помогающих мне жить и сохранять здравомыслие, и ты – главная из них.

Я поверю, что ты мой друг. Я даже поверю, что моё чувство не безответно. Ты не обещал не лгать мне, но ложь входит в моё представление о предательстве, а ты обещал не предавать

меня. И если ты обманешь моё доверие, если все твои слова были ложью – мне не придётся беспокоиться, что будет со мной после того, как вся эта история окончится. Потому что твоё предательство меня уничтожит. Потому что я впустила тебя в свою душу, мысли и сердце так глубоко, как не пускала никого. Потому что удар от тебя будет последним ударом, который я смогу вынести. И то, что останется от меня после него, уже не будет мной.

Да, то, что нас не убивает, делает нас сильнее. Но не обязательно убивать тело, чтобы убить душу. Если после контрольного выстрела судьбы ты не умираешь, твоё место просто занимает кто-то другой: очень похожий на тебя, но куда более сильный. А ещё куда более циничный, равнодушный и злой.

И не хочу даже думать, во что в таком случае превращусь я.

Лод сел рядом – улыбчивый, близкий, надёжный. Улыбнувшись в ответ, я захлопнула книгу, которую по-прежнему держала в руках.

...а теперь, зная всё это...

...я просто постараюсь об этом не думать.



Глава 3

Фигурная атака на королевском фланге



Дерево-дом привычно и приветливо распахнуло дверь, стоило коснуться её ладонью, – и Фрайндин вошёл внутрь, навстречу тёмной тишине. Стало быть, Мэрис отошла... и хорошо.

Сейчас ему отчаянно требовалось побыть одному.

Волшебные огоньки в светильнике под потолком вспыхнули, встречая хозяина, но эльф уже поднимался вверх по плетёным ступенькам, чуть пружинившим под его ногами.

Этот дом всегда успокаивал его, помогал привести в порядок мысли и чувства. Дом, принадлежавший ещё их матери. После войны он стоял пустым, и Фрайндин часто покидал дворец, чтобы побыть здесь в тишине и одиночестве. Сюда он поселил Мэрис, когда нашёл её на улицах Солэна, – пока та не усвоит все правила придворного этикета, лучше ей жить не во дворце. Ему было бы спокойнее, если б он мог держать её при себе, но, но...

Фрайндин поднялся в бывшую комнату матери, небольшую и круглую, под самой крышей. За триста лет здешняя обстановка порядком обветшала, а он так и не решился ничего менять, хотя много раз думал, что надо бы. Только у людей вещи часто переживают хозяев, для эльфов же всё было наоборот: Фрайндин уже потерял счёт тому, сколько раз меняли мебель в его дворцовых покоях. А эти стены, сплетённые из гладких светлых лоз, эти скромные простые предметы... они знали мать куда дольше, чем сам Фрайн.

В который раз он думает, что это абсолютно, отчаянно неправильно?..

Фрайндин хлопнул в ладоши, притушив свет и погрузив комнату в полумрак. Скинув с плеча ножны с мечом, положил их на пол и сел в кресло, устремив взгляд в единственное окно, тоже круглое: его закрывало земляничное стекло, за которым разливалась ночная тьма.

Ночь, время тайн, злодейств и Детей Луны...

Фрайндин долго сидел, думая о самых разных вещах, которые в большинстве своём его совсем не радовали, пока чуткий эльфийский слух не уловил сзади странный шелест. И когда брат Повелителя обернулся, он увидел тех, кого никак не ожидал сейчас здесь увидеть.

– Здравствуй, дядя, – негромко сказал Фаник, стоя бок о бок с Дэном, положив руку брату на плечо в поисках не то опоры, не то поддержки.

Старший принц безмолвно всматривался в лицо Фрайна, и тот замер, ошеломлённый вихрем мыслей и догадок: те моментально закружились в голове, забились в висках ритмом вопросов «как», «откуда», «почему»...

– Мы рады тебя видеть, – добавил Фаник, когда молчание затянулось. – А ты нас?

...и, отбросив на время все свои вопросы, Фрайн вскочил – чтобы, в один миг оказавшись рядом с племянниками, заключить в объятия сразу обоих.

– О, боги, ты ещё спрашиваешь?! Мои мальчики, мои дорогие мальчики, вы живы! – «Мальчики» были почти одного с ним роста, но Фрайндин поцеловал каждого в макушку с такой нежностью, будто перед ним несмышлёные малыши. – Я... я не надеялся, я думал, что уже никогда вас... – он осёкся, когда голос его задрожал от радости и тепла; обнял принцев ещё крепче, так, что младший слегка захрипел – и, вдруг отстранившись, обеспокоенно всмотрелся в их лица. – Помилуй Пресветлый, Фаник, что тёмные с тобой сделали?! Ты так исхудал! Вы сбежали? Но почему пришли не к отцу, а ко мне? Или вы уже были у него? Хотя нет, иначе Фин дал бы мне знать, ведь мы оба так... но... – радость вдруг ушла из его голоса. – как вы пробрались в дом так, что я этого не заметил?

– Мы всё знаем, – произнёс Фаник торжественно и мрачно. – О том, кто нанял тех людей. Кто велел им держать меня в том подвале. Кто велел им убить меня и выставить жертвой дроу.

– Каких людей? Какой подвал? Кто хотел тебя убить? Солира ради, расскажите уже всё по порядку! – воскликнул Фрайндин отчаянно и немного сердито. – Как вас пленили? Как вы сбежали? И при чём тут люди? Только не говорите, что у тёмных есть сторонники среди них!

Принцы хмуро переглянулись.

– Мы не сбежали, дядя, – вздохнув, признал Фаник. Оглянувшись, махнул рукой. – Выходите.

Прежде чем из пустоты в дальнем конце комнаты проявились очертания четверых незваных гостей, в воздухе сверкнула золотая пыль.

– Приветствую, тэлья Фрайндин, – поклонился Лод, пока темноволосая девчонка в белых одеждах цепко глядела на происходящее из-за его плеча. – Прошу прощения, что вторглись без приглашения.

* * *

Я следила, как меняется лицо Фрайндина, когда он увидел нас. Вначале меня и Лода, потом Навинию, одарившую его хмурым кивком...

И последним – Эсфориэля.

– Здравствуй, брат, – молвил тот, и, враз помрачнев, Фрайндин шагнул между нами и эльфийскими принцами, точно хотел заслонить их собой.

– Здравствуй, брат, – тихим эхом повторил Фрайн. – Так ты всё-таки сделал свой выбор. Перешёл на сторону зла.

– Не зла. Народа, который когда-то был нашими братьями.

– А я так надеялся, что даже после предательства ты сохранил себя. Свою душу, своё сердце. – Лицо Фрайндина обратилось обречённой фарфоровой маской. – Как ты мог? Как мог помогать... *им* – захватить в плен тех, кого мы называли своими детьми?

Он очень походил на Эсфориэля – лишь синева глаз была темнее, без намёка на сиреневый отлив. А ещё он казался младше, почти ровесником Дэнимона. Из-за волос, остриженных до плеч? Или просто каждый эльф перестаёт стариться в разном возрасте? Понять бы, как устроено это их бессмертие...

Я наблюдала за его мимикой. Слушала его слова. Анализировала его интонации.

Я пыталась найти в его реакции намёк на фальшь – и не находила.

...что ж, если это лицедейство, bravo. Первую проверку, которую в своё время провалил Артэйз, Фрайндин однозначно прошёл. Однако это ещё ничего не значит: если Фрайндин тот, о ком мы думаем, он очень умён – и его не раскусишь неожиданной встречей с жертвами или блефом в духе «мы всё знаем». Он вполне мог моментально сообразить, что в одиночку Дэнимон и Фаник не преодолели бы магическую защиту дома, куда им не давали доступа, и предположить наличие невидимых свидетелей, которые не дадут ему расправиться с племянниками самому. А ведь меч так соблазнительно лежал рядом... Если верить Эсфориэлю, его брат ненавидел ходить с охраной, зато всегда готов был защитить себя сам.

Неужели можно не только так быстро соображать, но и столь гениально играть?..

– Дядя, мы больше не в плену, – произнёс Дэнимон. – Мы вольны уйти в любой момент.

Фрайн даже не сразу оглянулся. Видимо, какое-то время просто не мог поверить своим острым ушам.

– Ты ведь заметил, что на нас нет ошейников, – продолжил принц. – А то, почему исхудал Фаник... это сделали не дроу. Дроу спасли его.

Фаник кивнул в знак подтверждения, но Фрайндин промолчал. Лишь опять повернулся к нам:

– И какими чарами вы задурили им головы?

– Это Фин, ослеплённый жадой мести, дурил им головы, – сказал Эсфориэль. – Им и нам, убеждая всех, включая себя самого, что дроу – наши враги. Но Фаника похитили трое людей, и наняли их не тёмные.

– Не тёмные? – Фрайн фыркнул, и его мнимая юность бросилась в глаза ещё отчётливее. – И ты хочешь, чтобы я в это поверил?

Лод и Навиния молчали, как и я. Это была семейная встреча, которой пока мы не решились мешать, исполняя роли страхующих статистов. Откровенно говоря, комнатка была маловата для представления с таким количеством участников: из мебели присутствовали лишь узкая кровать, шкаф да плетёное кресло, но они занимали почти половину помещения, и на оставшемся пространстве было особо не развернуться.

Лод оторвал меня от тома «Сокрытия чар» буквально полчаса назад: весь свой досуг я преимущественно посвящала изучению заклятий, начиная немного скучать по нормальным книгам и компу. И когда колдун объявил, что Фрайн покинул дворец и настал тот самый момент, которого мы ждали со вчерашнего дня, в первый миг я удивилась составу отряда, который колдун счёл наилучшим для вылазки в Солэн. Нет, зачем понадобилась троица эльфов, я понимала прекрасно, но вот Навиния?..

А спустя тот самый миг я вспомнила о Мари, вероятность встречи с которой была далеко не нулевой, и поняла, что Навиния нам действительно необходима. И хотя принцесса явно была не в восторге от происходящего, судя по всему, она пошла добровольно, а не ведомая ошейником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.